

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая д. № 49—2).

1872.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Объ арабскомъ путешествіи въ X вѣка,
Абу-Долефъ, и странствованіи его по
Средней Азій В. В. ГРИГОРЬЕВА.

О предполагаемомъ сродствѣ грузинскаго
языка съ индо-европейскими и туран-
скими языками Ал. А. ЦАГАРЕЛИ.

Удѣльный князь Федоръ Юрьевичъ Фомин-
скій Н. А. АСТРОВА.

Просьба жителей западной Малороссіи о при-
ятіи въ русское подданство 1773 года . М. О. КОЯЛОВИЧА.

Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ сред-
не-азиатскимъ В. П. ВАСИЛЬЕВА.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ:

Новыя изданія по вопросу о началѣ Семилѣтней войны. А. Г. БРИКНЕРА.

Очеркъ устройства австрійскихъ гимназій . Л. П. МАЛИНОВСКАГО.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

ОБЪ АРАБСКОМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ Х ВѢКА, АБУ-ДОЛЕФЪ, И СТРАНСТВОВАНІИ ЕГО ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(Посвящается И. И. Срезневскому, какъ автору изслѣдованія о странствованіи по Индіи Аванасія Никитина.)

Еъ числу географическихъ знаменитостей въ арабской литературѣ принадлежитъ между прочимъ Абу-Долефъ Мисаръ ибнъ-Мутальгиль эль-Янбуъи. По обширности странствъ Азіи имъ описанныхъ могутъ соперничать съ нимъ, изъ средневѣковыхъ странствователей, только Китаецъ Сюань-Цзанъ, да Венеціанецъ Марко Поло, да Арабъ же Ибнъ-Батута. Путешествовалъ онъ, полагаютъ, въ половинѣ Х вѣка, кромѣ мусульманскихъ земель, по турецкимъ странамъ Средней Азіи, по Восточному Туркестану, по Тибету, былъ въ Китаѣ, и извѣдалъ почти всю Индію.

Всѣ эти посѣщенные имъ страны, за исключеніемъ мусульманскихъ, описалъ онъ въ особомъ *рисалѣ*, „сказаніи“. „Сказаніе“ это, какъ и нѣкоторыя другія записки древнѣйшихъ арабскихъ странствователей, дошло до насъ лишь черезъ посредство позднѣйшихъ географическихъ писателей той же націи. Находимъ его цитированнымъ цѣликомъ у Якута, писателя конца XII вѣка, въ его объемистомъ географическомъ словарѣ *Маѡджемъ-эль-Бульданъ*, и первую половину *рисалѣ* — въ сочиненіи Зекеріа Казвини, писателя XIII вѣка, подъ заглавіемъ *Аджаибъ-эль-Махлукатъ*¹⁾.

Изъ европейскихъ ученыхъ обратили до сѣхъ поръ особое вниманіе на „сказаніе“ Абу-Долефа только Ф. Вюстенфельдъ и Курдъ

¹⁾ Въ *Вюстенфельдовомъ* изданіи Якутова *Маѡджемъ-эль-Бульданъ* (Leipzig, 1866—1869) «сказаніе» находится на стран. 444—548-й II-го тома. Сочиненіе Казвини *Аджаибъ-эль-Махлукатъ* издаво тѣмъ же Ф. Вюстенфельдомъ (Göttingen, 1849), но, «сказаніе» не вошло въ это изданіе.

фонъ-Шлѣдеръ. Первый перевелъ на нѣмецкій языкъ отдѣлъ „сказанія“ о тюрескихъ народахъ ¹⁾. Послѣдній издалъ этотъ отдѣлъ, по Готской рукописи помянутаго Казвиніева сочиненія, и кромѣ того, вторую часть „сказанія“, заключающую въ себѣ путешествіе по Индіи, изъ Петербургской рукописи Якута — въ текстѣ, съ латинскимъ переводомъ и кое-какими примѣчаніями. Изданіе это было со стороны 23-лѣтняго ориенталиста не болѣе какъ specimen eruditionis, который и представилъ онъ, въ качествѣ диссертациі на степень доктора философіи, Берлинскому университету ²⁾. Другіе ориенталисты, по разнымъ случаямъ цитирующие Абу-Долефа въ своихъ изданіяхъ: Францъ Э. Гильдемейстеръ ³⁾, Хвоньсоуъ ⁴⁾, читали его; новѣйшему, обѣло, не вникая въ обстоятельства, изложенныя въ „сказаніи“. Въ противномъ случаѣ тотчасъ же замѣтили бы они, что „сказаніемъ“ этимъ нельзя пользоваться какъ источникомъ, прежде чѣмъ не будетъ оно разобрано критически, и не будетъ такимъ же путемъ опредѣлена по возможности относительная достовѣрность заключающихся въ немъ извѣстій ⁵⁾.

Отдѣльныя статьи, изъ коихъ слагается „сказаніе“ Абу-Долефа, — по крайней мѣрѣ первая его половина, — приводятся обоими писате-

¹⁾ Переводъ этотъ напечатанъ въ *Zeitschrift für vergleichende Erdkunde* за 1842 годъ. Bd. II, ss. 205—218.

²⁾ Подъ заглавіемъ: Abu Dolet Misaris ben Mohalhal de itinere asiatico commentarius (Berolini, 1845). Первую часть «сказанія», заключающую въ себѣ путешествіе по Средней Азіи, какъ Вюстенесельдъ, такъ и Курдъ софи-Шлѣдеръ, взяли изъ Готской рукописи *Аджаибъ-эль-Махлукамъ*, означенной въ каталогѣ, составленномъ Мёллеромъ (Catalogus librorum tam manuscriptorum quam impressorum, qui in Bibliotheca Gothana asservantur. Gothae, 1825) подъ № 231-b. Рукопись же эта (подробно описанная Мёллеромъ въ первомъ приложеніи къ первому выпуску означеннаго каталога) представляетъ, по мнѣнію Вюстенесельда, первоначальную редакцію Казвиніева труда, изъ второй части которой возникло впоследствии особое сочиненіе его *Асаръ-эль-Беладъ*, куда «сказаніе» вошло уже въ обработанномъ видѣ, то-есть, въ видѣ отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ по системѣ климатовъ. По этой причинѣ и не помѣстилъ Вюстенесельдъ Абу-Долеева сказанія въ своемъ изданіи *Аджаибъ-эль-Махлукамъ*.

³⁾ Въ Ibn-Fozlan's Berichte, s. VIII и XXIII.

⁴⁾ Въ изданіи своемъ: *Scriptorum Arabum de rebus Indicis loci et opuscula inedita* (Vonnae, 1838), p. 77.

⁵⁾ Въ Извѣстіяхъ Ибнъ-Даста о Хазарахъ, Булгарахъ и т. д. (С.-Пб. 1869), стран. 48.

⁶⁾ Только Рено, въ своемъ *Introduction générale à la Géographie des Orientaux*, p. LXXIX, замѣтилъ, что, сколько можетъ онъ судить по извѣстнымъ ему отрывкамъ Абу-Долеева, разнаимъ послѣдняго «не заслуживаютъ большаго довѣрія».

ми, его передающими; и Якутомъ, и Казвинцемъ, въ одномъ и томъ же видѣ, въ одной и той же послѣдовательности. Незначительные варианты встрѣчаются у нихъ лишь по отношенію къ языку, да изрѣдка короткая фраза, опущенная, по невнимательности переписчиковъ, у одного, пополняется другимъ, и наоборотъ. Такое единообразіе Абу-Долефова текста въ двухъ разныхъ его источникахъ заставляетъ думать, что „сказаніе“ дошло до насъ, черезъ посредство Якута и Казвинца, пѣлькомъ, въ подлинномъ его видѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышло изъ рукъ автора. Нѣтъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы заключать, чтобъ или Якутъ, или Казвинца, или кто другой до нихъ, сокращали, передѣлывали, искажали, намѣренно или безъ намѣренія, основной текстъ „сказанія“. Краткость этого послѣдняго нисколько не указываетъ на то, чтобъ оно когда-либо было пространнѣе: столь же немногословно слагали свои „сказанія“ и другіе того времени мусульманскіе путешественники, до насъ дошедшіе.

Между тѣмъ „сказаніе“, въ томъ видѣ, въ какомъ имѣемъ его, отличается образцоваю путаницей изложенія. Помимо другихъ обстоятельствъ, о коихъ будетъ рѣчь ниже, одна уже путаница эта заставляетъ полагать, что Абу-Долефъ не посѣтилъ лично и половины странъ, которыми, по словамъ его, проѣзжалъ онъ, а описываетъ ихъ по слуху, съ чужихъ словъ. Въ виду означенной путаницы приходится думать, что собственный его маршрутъ служилъ ему не болѣе какъ нитью, на которую навѣшывалъ онъ, вмѣстѣ съ личными своими замѣтками, и разказы слышанные отъ другихъ странствователей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, умѣстно вставляетъ онъ послѣдніе или нѣтъ, и нисколько не затрудняясь чужіе разказы эти выдавать за собственные наблюденія и приключенія. Поступая такимъ образомъ, авторъ „сказанія“, по всей вѣроятности, и не подозревалъ даже, что совершаетъ подлогъ. Тѣмъ менѣе еще могло приходить ему въ голову, что такимъ безразборчивымъ сляпаніемъ чужихъ извѣстій съ лично имъ приобретенными, и чужихъ маршрутовъ съ тѣмъ, которому самъ онъ слѣдовалъ, не только не оказываетъ онъ услуги дѣлу знанія, а задаетъ еще отдаленному потомству египетскую работу разложенія на составныя части того, что такъ легко было ему склеить.

Въ предположеніи, что таковъ именно былъ процессъ, которымъ возникло „сказаніе“ Абу-Долефа, предстоило бы — чтобы матеріалъ, заключающійся въ „сказаніи“, могъ быть обращенъ на пользу истори-

ческой географіи — поступить съ этимъ „сказаніемъ“ такимъ же образомъ, какъ поступлено уже со сказаніями Сюань-Цзана и Марка Поло, то-есть, разобрать, какими изъ упоминаемыхъ имъ странъ могъ Абу-Долефъ, сообразно съ цѣлю своего путешествія, проѣхать дѣйствительно, и о какихъ разказываетъ съ чужихъ словъ. Пока операція такого рода не была произведена надъ книгами знаменитаго китайскаго буддиста и не менѣе знаменитаго Венеціанскаго купца, ихъ маршруты тоже представлялись бессмысленными или даже невозможными, и приводили разумныхъ читателей въ отчаяніе. Но къ Абу-Долефову „сказанію“ оказывается неприложимымъ и такой способъ разслѣдованія: мы не знаемъ, куда именно ѣхалъ онъ изъ Мавераннахра, и куда именно прибылъ въ концѣ своего путешествія по Средней Азій. Такимъ образомъ, взглядыаясь ближе въ „сказаніе“ Абу-Долефа, можно прійти и къ другому заключенію — что Абу-Долефъ вовсе не совершалъ того путешествія, которое приписывается ему въ „сказаніи“, что „сказаніе“ есть не иное что какъ сборникъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, какія можно было приобрести въ мусульманскомъ мірѣ около половины X вѣка по Р. Х., объ Индіи и странахъ на сѣверъ и на востокъ отъ Мавераннахра, изъ разказовъ нагометанъ дѣйствительно забравшихся туда по торговымъ видамъ, или разказовъ уроженцевъ означенныхъ странъ, по какимъ-либо случаямъ попадавшихъ въ мусульманскіе края; что сборникъ этотъ составленъ какимъ-либо грамотнымъ Арабомъ, который нашелъ удобнымъ изложить собранныя имъ свѣдѣнія въ формѣ путешествія, и путешествіе это — чтобы дать большую извѣстность и большій вѣсъ своему труду — приписалъ Абу-Долефу, разумѣется, по кончинѣ его, какъ лицу славившемуся въ мусульманскомъ мірѣ многочисленностію своихъ странствованій. Словомъ сказать — что уже въ X вѣкѣ осуществлена была вѣкъ-либо та же самая мысль, тотъ же самый планъ, по которому, черезъ восемь слишкомъ вѣковъ, именно въ 1820-хъ годахъ настоящаго столѣтія, совокупилъ извѣстія Арабовъ о прикавказскихъ и другихъ странахъ, изложивъ ихъ въ видѣ путешествія по тѣмъ странамъ вымышленнаго имъ лица — извѣстный основательностью трудовъ своихъ ориенталистъ Д'Оксонъ¹⁾.

Которое изъ двухъ изложенныхъ предположеній ближе къ истинѣ,

¹⁾ Des peuples du Caucase et des pays au nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne, dans le X-e siècle, ou voyage d'Abou-el-Cassim. Par C. D'Osson. Paris, 1828.

пусть рѣшаютъ сами читатели, на основаніи слѣдующихъ къ тому данныхъ.

„Сказаніе“ свое, послѣ предисловія въ общемусульманскомъ вкусѣ, Абу-Долефъ начинаетъ съ того, что во время нахождения его на службѣ у саманидскаго государя Насра сына Ахмедова, внука Исмаилова (властвовалъ въ 914—943 годахъ по Р. Х.), прибыло къ послѣднему отъ государя китайскаго (*мемисъ-эс-Синъ*) Калатина (или Калына) сына Шахирова (или Шахбарова) посольство съ порученіемъ висватать дочь Насра за сына этого Калатина; когда же Насръ не изъявилъ на то согласія, затрудняясь выдать мусульманку за язычника, послы предложили устроить родственную связь между двумя государями женитьбою одного изъ сыновей Насра на дочери того же Калатина. На это Насръ далъ согласіе, и вслѣдствіе того, отправилъ къ Калатину своихъ пословъ, къ которымъ онъ, Абу-Долефъ, и присоединился, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ посѣтить страны турецкія и китайскія. За этимъ введеніемъ говорится, что по слѣдованіи мусульманскими городами въ Хорасанѣ и Мавераннагрѣ, первымъ народомъ (*кобилъ*), въ землю котораго прибылъ онъ съ посольствомъ, оказался народъ, обитающій въ странѣ *Харка*. Проѣхавши эту страну дѣльный мѣсяць, выбрались въ страну народа *Тазтажъ*, и ѣхали ею 20 дней. Затѣмъ прибыли въ страну народа *Наджа*, гдѣ провели мѣсяць. Оттуда вступили въ землю народа *Бедженакъ*, сосѣдною со странами *Саклабовъ*, а проѣхавши ею 12 дней прибыли въ землю народа *Джикимъ*, которою и слѣдовали въ теченіи 40 дней. Изъ этой послѣдней вступили въ страну народа *Баграджъ*, и ѣхали ею мѣсяць, пока не прибыли въ землю народа *Тюббетъ*. Этою землею ѣхали 40 дней, послѣ него вступили въ страну народа *Кимакъ*, и ѣхали ею 35 дней, пока не достигли страны народа *Гузъ*, гдѣ пробыли мѣсяць. Изъ земли *Гузовъ* вступили во владѣнія народа *Татаказъ*, вторыми слѣдовали 20 дней. Отсюда направились въ страну народа *Хиргизъ*, и пробывъ въ ней мѣсяць, переѣхали въ страну народа *Хармузъ*, которою слѣдовали въ теченіи 25 дней, пока не достигли до земли народа *Хатлажъ*, а черезъ 10 дней пути по послѣдней прибыли въ страну народа *Хатаманъ*, и ѣхали ею 20 дней. Оттуда пріѣхали въ страну *Бам*, и слѣдовали ею 40 дней, пока не достигли до мѣста, именуемаго *Кулайбъ*. Землями отъ *Кулайба* зависящими ѣхали мѣсяць, послѣ чего достигли до *Макамъ-эль-Бабъ* („воротъ, при которыхъ останавливаются“), песчаной страны, гдѣ находился приставъ государя китайскаго, отъ котораго зависѣло

разрѣшеніе на впускъ въ китайскія владѣнія для жеманщикъ вступить туда. Этою страню ѣхали 3 дня, имѣя угощеніе на счетъ государя (китайскаго) и получая свѣжіи подъемный скоть черезъ каждый фарсахъ ¹⁾ пути. Добравшись, такимъ образомъ, до *Вадмъ-Макамъ* („рѣки, при которой останавливаются“), „попросили мы—продолжаемъ разказъ уже собственными словами Абу-Долефа—и получили позволеніе выѣхать въ дальнѣйшій путь ранѣе пословъ; но позволеніе это дано было намъ не прежде, какъ провели мы тутъ, среди красивѣйшей и пріятнѣйшей мѣстности, какія только есть въ Божьемъ мірѣ, три дня, угощаемые все это время на государевъ счетъ. Затѣмъ переправились мы черезъ рѣку, и ѣхали цѣлый день, пока не увидѣли издали городъ *Сендабилъ*, столицу Китайскаго государства. Ночевали мы въ разстояніи одного жержеле (перегоня) отъ нея, а вставши ѣхали съ ранняго утра и достигли до нея лишь къ закату солнца“. Описавъ Сендабилъ, Абу-Долефъ сказываетъ: „и отправились мы къ государю: окаялся онъ мастеромъ своего, царскаго, дѣла, человѣкомъ высокаго разума. И стали послы вести переговоры съ нимъ на счетъ порученнаго имъ сватовства дочери его за Нука, сына Насрова. Соизволилъ онъ на это, и обласкалъ меня и пословъ. Оставались мы (въ Сендабилѣ) на государевомъ содержаніи, пока устроено было все къ свадьбѣ невѣсты, и приготовлено все, что пошло за нею въ приданое. Когда все это было кончено, передалъ онъ дочь на руки двумъ старъ внукамъ и тремъ старъ дѣвицамъ, изъ самыхъ почетныхъ при дворѣ. И повезли ее въ Хорасагъ къ Нуку сыну Насрову, и вступилъ онъ съ нею въ бракъ. Что же до меня касается, то оставался я въ Сендабилѣ, городѣ китайскомъ, довольно долго, являясь время отъ времени къ государю. И бесѣдовалъ онъ со мною о разныхъ предметахъ, и разспрашивалъ о томъ, что дѣлается въ странахъ исламскихъ. Затѣмъ, попросилъ я у него позволенія на отъѣздъ, и отпустилъ онъ меня, одаривъ и снабдивъ всѣмъ, что только было нужно“. Изъ Сендабиля пробрался Абу-Долефъ въ *Кэлэ* уже „на берегу моря, первый со стороны Китая индѣйскій городъ, въ разстояніи 300 фарсаховъ отъ китайскихъ предѣловъ, городъ дальѣ котораго не плаваютъ корабли, ибо гибнуть въ морѣ“. Изъ *Кэлэ* направился нашъ путешественникъ въ „Перцовую-Землю“, какъ называли арабы Малабарскій-Берегъ, и странствовалъ затѣмъ все по Индіи,

¹⁾ *Фарсахъ*, древняя *парасага* — путевая единица, равняющаяся приблизительно географической милѣ (7-и верстамъ).

нея не возвратился въ мусульманскія страны черезъ Седжестанъ, въ то время, когда властвовала тамъ Абу-Джафаръ Мухаммедъ сынъ Акмедовъ, внукъ Лейсовъ.

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, маршрутъ первой половины странствованія Абу-Долефа (по Средней Азій), посмотримъ прежде всего, вѣроподобны ли обстоятельства, подавшія поводъ къ его путешествію.

Если жодъ „государемъ китайскимъ“, посольство котораго прѣзжало сватать дочь Насрову, разумѣть кого-либо изъ лицъ, занимавшихъ въ Китаѣ императорскій престолъ; то „сказаніе“ Абу-Долефа представляется лживымъ съ первыхъ же строкъ. Несомнѣнно, что никакой императоръ никогда бы не унижился до того, чтобы просить руки иностранной принцессы для своего сына, и тѣмъ болѣе; навязывать свою дочь въ жены иноземному наследнику престола. Правда, періодъ властвованія Насра сына Акмедова (914—943) былъ смутнымъ временемъ для Китая. Известно, что по паденіи, въ 907 году, знаменитой Тханской династіи, императорское достоинство присвоилъ себѣ тамъ низложившій послѣдняго изъ Тхановъ, главнокомандовавшій его войсками Чжу-внъ; но династія имъ основанная властвовала всего 17 лѣтъ; въ 923 году императорское достоинство перешло къ владѣльцу циньскому, Ли-цунь-сюю; но его родъ занималъ императорскій престолъ еще менѣе времени—только 13 лѣтъ. Въ 936 году, престоломъ этимъ овладѣлъ нѣкто Ши-цзинъ-тханъ, племянникъ и преемникъ котораго взятъ былъ въ плѣнъ Киданями, вмѣстѣ съ чѣмъ прекратилось, въ 947 году, и существованіе третьей, послѣ Тхановъ, императорской династіи. Независимо отъ государей трехъ династій этихъ, титулъ императорскій носили съ 916 года повелители Киданей, которымъ, кромѣ Монголіи, принадлежали и 16 китайскихъ округовъ въ южнѣйшихъ областяхъ Чжи-ли и Сань-си¹⁾. Но киданьскіе императоры были слишкомъ могущественны и горды своимъ величіемъ, чтобы искать родственной связи съ государемъ Мавераннахра; и какъ ни слабы относительно были лица трехъ упомянутыхъ императорскихъ династій въ Китаѣ, нѣтъ однако никакихъ поводовъ предполагать, чтобы и они, безъ особой въ томъ нужды, рѣшились отступить отъ вѣковыхъ обычаевъ „Срединной Имперіи“. Кромѣ трехъ династій, о которыхъ упомянуто, съ паденіемъ Тхановъ возникло въ разныхъ частяхъ Китая нѣсколько владѣній, государи которыхъ, хотя

¹⁾ *Васильевъ*, Исторія и древности восточной части Средней Азій (С.-Пб. 1859), стран. 18.

императорскаго титула вообще не принимали, властвовали однако совершенно независимо¹⁾. Вотъ относительно этикъ владѣльцевъ нельзя поручиться, чтобы кому-нибудь изъ нихъ, сидѣвшему гдѣ-либо на западѣ Китая, не пришло желанія усилить себя родственною связью хотя и съ отдаленнымъ, но славнымъ государемъ Западныхъ Краевъ (*Си-Юй*), какъ звались въ Китаѣ страны на западъ отъ Памирской Вмси. Допустить это тѣмъ возможно, что „государемъ китайскимъ“ (*малекъ-эс-Симъ*) называли Арабы одинаково, какъ императора китайскаго, такъ и подручныхъ ему владѣльцевъ — вассаловъ, и даже правителей областей. Примѣръ перваго употребленія видимъ ми въ сказаніи Табари и повторяющихъ его позднѣйшихъ арабскихъ историковъ, о томъ что полководецъ Халифа Валида, Кутейба ибнъ-Муслими, принудилъ въ 96 году гижры (714 — 715 по Р. X.) „государя китайскаго“ заплатить Халифу дань и признать себя его вассаломъ²⁾, тогда какъ Кутейба далѣе Кашгара изъ предѣловъ Ферганы не проникалъ, и могъ подвергнуть упомянутому униженію лишь вассальнаго Китаю владѣльца Кашгарской Области. Примѣръ втораго случая даетъ намъ вупецъ Сулейманъ, титулуемый *малик'ами* правителей главныхъ городовъ въ Китайской Имперіи, каковыхъ, по словамъ его, находилось тамъ двѣ сотни³⁾. Имѣемъ, потому, полное право считать и Калатина Абу-Долефа не болѣе какъ за одного изъ удѣльныхъ въ Китаѣ или вассальныхъ Китаю, вѣдъ предѣловъ его, владѣтелей. По отношенію къ сватовству со стороны Калатина „сказаніе“ не утрачиваетъ такимъ образомъ достовѣрности, если только не оважета, что помѣщаетъ Калатина Абу-Долефъ въ такую часть Китая, которая едва ли могла бы имѣть сношенія съ западомъ Азіи. Гдѣ же именно находились владѣнія Калатина? По маршруту Абу-Долефа этого нельзя опредѣлить съ точностію. Френъ, а за нимъ и Гильдемейстеръ съ Курдъ фонъ-Шлецеромъ, полагаютъ, что Калатинъ властвовалъ гдѣ-нибудь на Загангскомъ полуостровѣ⁴⁾. Но

¹⁾ *Лаклоу: Бучурина*: Статистическое описаніе Китайской Имперіи (С.-Пб. 1842), I, 192; *Klaproth*: Tableaux historiques de l'Asie. Atlas, cartes 17 et 18-e.

²⁾ Разказъ *Табари* см. у *Вейла*, въ его *Geschichte der Chalifen* (Mannheim, 1846), I, 509; *Ibn-el-Athiri chronicon*, ed. Tornberg, vol. V (Lugd. Batav. 1871), p. 2—3.

³⁾ *Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine dans le IX-e siècle de l'ère chrétienne* (Paris, 1845), I, 32; II, 34.

Въ такомъ же смыслѣ увидимъ употребленнымъ ниже слово *малик* и въ „Китаѣ-Эль-Фигристѣ“.

⁴⁾ *Abu Dolef commentarius*, p. 30, annot. 3.

если такъ, то представляется ли хотя малѣйшая вѣроятность, чтобы Калатинъ зналъ о существованіи Насра, и тѣмъ болѣе, раздумалъ родниться съ нимъ? Допустить это въ X вѣкѣ столь же невозможно, какъ и то, чтобы въ наше время какому-нибудь Цицину или Чжасугу хану калыаскому пришла фантазія присвататься къ дочери султана Ашантиевъ въ Африкѣ. Сватовство отъ Калатина могло имѣть мѣсто въ такомъ лишь случаѣ, если властвовалъ онъ въ западныхъ частяхъ Китая, находившихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Мавераннагромъ. Ниже укажемъ мы наши основанія полагать, что только въ означенныхъ предѣлахъ и могла находиться столица Калатинова, городъ Сендабиль. Стало бытъ, и по отношенію къ мѣстопребыванію Калатина „сказаніе“ вѣдѣрживаеъ критику. Что-же касается до самаго имени Калатина (или Калына) и отца его Шахира (или Шахбара), то хотя въ нихъ нѣтъ и тѣни китайщины, соблазняться этимъ не слѣдуетъ: Арабы способны были переименовать китайскія имена до степени неузнаваемости еще превосходяще той, до какой, въ свою очередь, уродовали иногда и Китайцы трудно-произносимыя для нихъ имена арабскія, персидскія и туркскія.

Итакъ, по отношенію къ поводу для путешествія Абу-Долефа, не представляется, повидимому, особыхъ причинъ считать его придуманнымъ или несообразнымъ съ обстоятельствами времени и мѣста. Не то находимъ при разсмотрѣніи его маршрута. Изъ китайскихъ источниковъ знаемъ мы, какія владѣнія лежали въ X и IX вѣкѣ между Мавераннагромъ и Китаемъ¹⁾. Нѣкоторыми изъ этихъ владѣній долженъ былъ проѣзжать Абу-Долефъ неминуемо, если путь его изъ Бухары или Самарканды въ Китай или на Загангскій полуостровъ лежалъ не черезъ Индію. Между тѣмъ, въ „сказаніи“ его не находимъ ничего похожаго на имена этихъ владѣній. Единственное исключеніе составляетъ *Харжа*, что можно принимать за *Яркань*, имѣя въ виду, что послѣднюю Марко Поло тоже называетъ *Korkan*, а Гозь—*Низардан*²⁾. По именамъ трехъ первыхъ народовъ, странъ или городовъ, проѣзженныхъ Абу-Долефомъ по выступленіи изъ предѣловъ Мавераннагра и Хорасана (*Харжа*, *Татмахъ*, *Наджа*), нельзя вывести заключенія даже о направленіи, по какому онъ выѣхалъ, то-есть, поѣхалъ ли онъ на Таразъ и черезъ Джунгарію, поѣхалъ ли черезъ

¹⁾ Известно это, между прочимъ, изъ путешествія буддиста Сянь-циня (Hsüan-tsin). См. *Journal Asiatique* за 1847 годъ, t. X, p. 112.

²⁾ *Марко Поло*, въ изд. Потье (Paris, 1865), p. 141; *Гозь*, у Юля въ его *Cathay and the way thither* (London, 1866), p. 562—564.

Фергану на Верхній-Барсаджарь ¹⁾ или на Кашгарь, поѣхалъ ли наконецъ, третьимъ путемъ, черезъ Тохарестанъ, Ваханъ и Памиръ, путемъ, которымъ слѣдовали и Сванъ-Цзанъ, и Марко Поло, и Говсъ ²⁾. Пусть діакритическія точки въ трехъ означенныхъ именахъ перевертаны переписчиками; будемъ читать эти имена съ запятыми угодно точками

¹⁾ *Барсаджарь*: такъ читаю я вмѣсто *Бирсханъ* у Ибнъ-Хордадбега и Кодамы, по Барбье-де-Менару и Шпренгеру; и вмѣсто *Барсаджанъ* у Эдриси, по Жоберу.

²⁾ Только этими тремя путями и ѣздили въ историческое время изъ долины Аму и Сыра въ долину Тарима и далее оттуда, въ Китай ли, въ Тибетъ ли и Индію. Первый путь — на Таразъ и черезъ Джунгарію на Харашаръ или на Верхній-Барсаджарь — описанъ у Ибнъ-Хордадбега (въ *Journal Asiatique* за 1865 годъ, t. V, p. 255—256) и у Эдриси (въ французскомъ, Жоберовомъ, переводѣ его географіи, t. II, 214—218). Этою дорогою ѣхали въ передній путь свой Сванъ-Цзанъ въ 630 году (*Mémoires sur les contrées occidentales*, trad. par St. Julien, Paris, 1857, I, 11—15), и посольство Шахрукова въ 1420 (официальный отчетъ объ этомъ посольствѣ, включенный въ сочиненіе свое авторомъ *Mamlak-és-Sasdeyn*, см. въ *Notices et extraits des manuscrits*, t. XVI, 1-ге partie, p. 308—386). Второй путь — черезъ Фергану на Верхній-Барсаджарь — описанъ тоже у Ибнъ-Хордадбега (l. c. p. 268—268) и у Эдриси (l. c. I. 489); вѣтъ же этого пути — изъ Ферганы на Кашгарь — полнѣе чѣмъ у другихъ приведена въ известности, въ началѣ текущаго столѣтія, *Извѣст-ул-Дахомъ* (см. въ *Magasin Asiatique Кэапротъ*, t. II, № III, p. 38—46). Описаніе третьяго пути — черезъ Тохарестанъ и Памиръ — которымъ ѣхали Сванъ-Цзанъ (въ обратный путь), Марко Поло и Говсъ, русскіе читатели могутъ найти въ первомъ выпускѣ нашего «Восточнаго Туркестана» (С.-Пб. 1869), стран. 234—251, 487—199, 501, 503 и 505—507. Кромѣ трехъ означенныхъ путей, былъ, по Масуди, и четвертый — тоже, повидимому, черезъ Памиръ, но не изъ Тохарестана, и затѣмъ Ваханомъ — пролежавшій (будто-бы) долиною въ 40 или 50 миль длины, которая прорѣзываетъ вала горы, гдѣ добывался нашатырь; по этому пути, вьючнымъ животнымъ недоступному, разстояніе отъ Хорасана до Китая считалось (будто бы) всего въ 40 дней (*Les prairies d'or* par Masoudi, Paris, 1861, I, 347—348). Нашатырь, по Истахри, добывался въ горахъ *Эль-Боттакъ*, къ сѣверу отъ Саганіана, къ югу отъ Оерушимъ; изъ коней вытекала р. Зервешанъ (*Viae Regnerum*, ed. J. de Goeje, Lugd. Batav. 1870, p. 313—318). Принимая это въ соображеніе, можно полагать, что путь, о которомъ говоритъ Масуди, — тотъ самый, что, по Эдриси, шелъ изъ Вашгирда на Растъ, «городъ между двухъ горъ, тѣсною между которыми проникали (въ мусульманскія земли) грабительскія шайки Турковъ, пока барменкъ Фадль сынъ Яхъи не загородилъ этой тѣсною стѣною съ воротами, и для охраненія ихъ не поставилъ тутъ гарнизона» (l. c. I, 484—485). По Ибнъ-Хальдууну (въ *Notices et extraits des manuscrits*, t. XIX, 1-ге partie, p. 135—136), тѣснява эта находилась между горами *Эль-Боттакъ* (нынѣ Кашгарь-Давакъ) и горами, которыя отдѣляли страну Хуттель отъ земель Турокъ и Тибетцевъ (значитъ, Памиръ). Быть можетъ, тѣснява эта — та самая вѣднина на Памирѣ, о существованіи которой заговорили въ последнее время.

(Джаржа, Хазка, Тиджстадигъ, Бази, Тажа и т. д.), и все-таки не выйдетъ никакого имени, напоминающаго известныя изъ другихъ источниковъ современныя Абу-Долефу имена народовъ или мѣстностей на пути черезъ Джунгарію или Восточный Туркестанъ до Китая или Загангскаго полуострова. Но вотъ, послѣ трехъ первыхъ загадочныхъ именъ, топографическихъ или этнографическихъ, говоритъ Абу-Долефъ о прибытіи своемъ въ землю народа, имя котораго изображается одинаково во всѣхъ известныхъ рунислахъ, народа намъ знакомаго (*Беджмакъ* мусульманскихъ писателей несомнѣнно тождественны съ *Печенѣгами* русскихъ и *Пацмаками* византійскихъ лѣтописцевъ), и въ прибавокъ, упоминаетъ, что земля этого народа смежна съ землею другаго, тоже намъ известнаго (*Сакалакъ* мусульманскихъ писателей не означаетъ ничего иного, кромѣ *Славякъ*). И что же оказывается? Оказывается, что на пути изъ Маверааннагра на востокъ нѣкоимъ образомъ не могъ Абу-Долефъ проѣхать чрезъ земли этого народа, такъ какъ изъ непрекращаемыхъ свидѣтельствъ писателей русскихъ, византійскихъ и даже одного арабскаго, современника Абу-Долефу, известно, что Печенѣги, уже въ концѣ IX-го вѣка (около 890-хъ годовъ) вытѣснены были изъ обиталищъ своихъ между Ураломъ и Волгою, далѣе на западъ, въ степи придонскія и приднѣпровскія, и вытѣснены были именно *Узами*, то-есть, *Гуз*ами мусульманскихъ писателей, которые Гузы, по тѣмъ же писателямъ, и занимали уже въ началу X-го вѣка все пространство степей отъ Волги до Аспиджаба (около нынѣшняго Чимкента)¹⁾. Что именно

¹⁾ По *Константину Багрянородному* Печенѣги жили первоначально въ странѣ между Яикомъ и Волгою, значить тамъ, гдѣ теперь Внутренняя Биргизская Орда и Новоузенскій уѣздъ Самарской губерніи. Тутъ—говорить онъ—живуть теперь Узмы, которые вытѣснили Печенѣговъ при помощи Хазаръ. Это вытѣсненіе Печенѣговъ Узами въ страны на западъ отъ Волги произошло, по тому же писателю, лѣтъ за 50—55 передъ тѣмъ, какъ писалъ онъ сочиненіе свое «Объ управленіи Имперіею», выходитъ — въ 890-хъ годахъ (*De administrando imperio*, сар. 37). По французскимъ лѣтописцамъ (см. *Шадерова Nestor*, III, 40), въ 896 году Печенѣги выгнали уже Угровъ изъ Молдавіи. Въ нашихъ лѣтописяхъ о первомъ приходѣ Печенѣговъ на Русь упоминается подъ 915 годомъ (*Карамзинъ*, И. Г. Р. I, 87 по изд. Эйнерлинга). По *Масуди*, Печенѣги, въ союзъ съ тремя другими родственными имъ тюркскими народами, вели, въ 320-хъ годахъ гіджры (послѣ 932 по Р. X.) войну съ императоромъ византійскимъ, Романомъ, и проникнувъ до Константинополя, около 40 дней стояли подъ этою столицею (*Les prairies d'or*, II, 58—64). По тому же писателю, Гузы (то-есть, Узмы Византійцевъ), около 300 года гіджры (912—913 по Р. X.), имѣли уже яв-

этихъ, а не какихъ-либо другихъ Печенѣговъ гдѣ-либо въ глубинѣ Средней Азіи, имѣлъ въ виду Абу-Долефъ, утверждая что проѣзжалъ черезъ эту землю, видно изъ того, что землю эту заставлялъ онъ сосѣднить съ Славянами, какъ и было то дѣйствительно въ X-мъ вѣкѣ¹⁾. Явно, такимъ образомъ, что Абу-Долефъ не могъ проѣзжать черезъ землю Печенѣговъ, слѣдуя изъ Бухары или Самарканда по пути въ Китай или на Закавказскій полуостровъ. Припомнимъ къ тому, что ѣзжалъ онъ не одинъ, а съ послами Насровыми, которые, конечно, не стали бы, для его удовольствія, сворачивать съ своего пути — куда? — въ Придонскія степи! Выходитъ, по всемъ вышеприведеннымъ справкамъ и соображеніямъ, что разказъ Абу-Долефа о Печенѣгахъ — если принять предположеніе о вставочномъ характерѣ нѣкоторыхъ статей въ его маршрутѣ — разказъ вставочный.

Далѣе, такими же вставочными въ маршрутѣ Абу-Долефа должны быть признаны и разказы его о посѣщеніи имъ земель *Гузозъ*, *Джм-жмлей*, *Кымаковъ*, *Хирхизозъ* и *Хатаманъ*, такъ какъ земли этихъ народовъ находятся далеко отъ всякихъ путей сообщенія, по которымъ послы Насровы могли слѣдовать къ Сендабилию, находився городъ

мовки свои около сближенія Дона съ Волгою, какъ видно это изъ его сказанія о рѣчномъ походѣ Русей изъ Чернаго и Азовскаго морей въ Каспійское (ibidem, II, 19). По *Истахри*, Гузы, въ его время (первая четверть X-го вѣка), занимали пространство степей по восточному и сѣверному берегу Каспія, огибая мусульманскія страны отъ Джорджана до Фараба и Аспиджаба, имѣя сосѣдами (на западѣ) Хазаровъ, (на сѣверо-западѣ) Булгаровъ, (на сѣверо-востокѣ) Ермаковъ, (на востокѣ) Харлуховъ. О Печенѣгахъ же упоминаетъ онъ какъ о тюркскомъ народѣ, который отдѣлился отъ прочихъ единоплеменниковъ, оставилъ прежнія кочевья свои, и поселился въ земляхъ между Хазарією и Румомъ (Византійскою Имперією) (Viae Regnum, p. 9—10). Если географъ XI-го уже вѣка, *Аль-Бекри*, все еще сѣвренюю границу печенѣжскихъ кочевій считаетъ землю Кипчаковъ, а южною — землю Хозаровъ, то, въ то же время, западною ихъ границею является у него уже земля Славянъ (см. въ *Journal Asiatique* за 1849 годъ, т. XIII, p. 461 et 467), а это показываетъ лишь то, что у него смѣшаны старыя извѣстія о Печенѣгахъ, относящіяся ко времени пребыванія ихъ между Яикомъ и Волгою, съ извѣстіями новѣйшими о поселеніи ихъ уже на пространствѣ «отъ Хазаріи до Рума», какъ говоритъ *Истахри*.

¹⁾ Во время Константина Багрянороднаго (944 — 959 гг.) Печенѣги, по показанію этого императора, жили на-половину къ востоку отъ Днѣпра до предѣловъ земли Узовъ и Хазаровъ, а на-половину — къ западу отъ Днѣпра, сосѣдствуя съ Булгарами, Уграми, Русью и подвластными послѣдней славянскими родами (De administrando imperio, стр. 37, въ Боннскомъ изданіи сочиненій Багрянороднаго consilio Niebuhrii, т. III, стр. 166).

этотъ въ Китаѣ или въ Индіи¹⁾. Проѣзжать землями означенныхъ народовъ было для нихъ столь же неестественно, какъ для направившихся изъ Вильны прямо въ Тифлисъ — проѣзжать губерніи Эстляндскую, Ярославскую, Симбирскую и Оренбургскую. Выходить, что стоило Абу-Долефу прилечь случайно въ маршрутѣ своему однимъ тюрескій народъ, Печенѣговъ, какъ и стель онъ это тотчасъ же достаточнымъ поводомъ поразказать и о всѣхъ другихъ тюрескихъ народахъ, о какихъ только слыхивалъ или читывалъ, приписывая себѣ, въ сообществѣ съ послами Насровыми, посѣщеніе всѣхъ этихъ народовъ — лишь для единообразія въ разказѣ. Но пусть бы Абу-Долефъ разѣзжалъ одинъ, безъ пословъ, совершенно свободно, дѣлая какіе угодно ему изгибы и завороты съ цѣлію побывать у всевозможныхъ тюрескихъ народовъ, все бы не могъ онъ, какъ читаемъ въ его „сказаніи“, переѣхать непосредственно изъ *Тиббета* въ землю *Кимаковъ*, или изъ земли *Гузозъ* въ страну *Тагазгазовъ*, такъ какъ означенныя земли непосредственно другъ къ другу не прилегали, а отдѣлялись одна отъ другой обширными пространствами, занятыми народами между ними промежуточными. Такого рода промахи у Абу-Долефа свидѣтельствуютъ уже не только о томъ, что онъ не проѣзжалъ чрезъ означенныя сейчасъ страны, но и не зналъ даже, гдѣ именно и въ какомъ положеніи другъ къ другу лежали онѣ.

Вышеозначенныя статьи „сказаніи“ (о Печенѣгахъ, Гузахъ, Джингяхъ, Кимакахъ, Хирхивахъ и Хатаянахъ) являются вставочными въ маршрутѣ Абу-Долефа, какою бы изъ трехъ извѣстныхъ дорогъ онъ ѣхалъ онъ на востокъ изъ Мавераннахра и Токарестана. Ясно,

¹⁾ По Истахри, земля *Харлузовъ* находилась къ востоку отъ земли *Гузозъ* (о положеніи ея см. прим. къ стр. 12), къ западу отъ земли *Тагазгазовъ*, къ югу отъ земли *Кимаковъ*; земля *Кимаковъ* — къ востоку отъ земли *Гузозъ*, къ сѣверу отъ земли *Харлузовъ*, къ западу отъ земли *Хирхивовъ*; земля *Хирамозовъ* — къ сѣверу отъ земли *Тагазгазовъ* и къ востоку отъ земли *Кимаковъ* вплоть до океана; земля *Тагазгазовъ* — къ востоку отъ земли *Харлузовъ*, къ сѣверу отъ *Тибета*, къ западу отъ *Китаю*, и къ югу отъ земли *Хирхивовъ* (*Via Regnum*, p. 9—10). О *Джингяхъ* и *Хатаянахъ* Истахри не упоминаетъ. *Джикими* Абу-Долефа, по всѣмъ соображеніямъ — тотъ же самый народъ который у Эдриси называется *Халатъ* или *Химатъ*, а онъ помѣщаетъ этотъ народъ повидимому къ сѣверу отъ *Харлузовъ*, къ западу отъ *Кимаковъ* (*Géographie d'Edrisi*, trad. par Jaubert, II, 214, 217, 218). *Хатаяна* — Кидани и затѣмъ обитатели сѣвернаго *Китаю* вообще. Такимъ образомъ, всѣ поименованныя пять народовъ размѣщались въ странахъ къ сѣверу отъ Тяньшанскаго Хребта и притомъ сѣвернѣе *Харлузовъ* и *Тагазгазовъ*, стало быть вовсе не на пути въ Западный *Китаю*, и тѣмъ болѣе въ Загангскую *Индію*.

что если бы мы знали, какою именно изъ трехъ дорогъ этихъ слѣдовало бы, то оказались бы одинаково восточными и многія другія статьи „сказанія“. Указать ту дорогу, которая избрана была посольствомъ, не было бы нисколько затруднительнымъ при имѣющихся китайскихъ и арабскихъ свѣдѣній о путяхъ сообщенія по Восточному Туркестану, если бы извѣстно было, гдѣ находился конечный пунктъ странствованія пословъ Насровыхъ, городъ Сендабиль. Но этого-то мы и не знаемъ, а не зная этого, не можемъ опредѣлить и линіи пути туда изъ владѣній Насровыхъ. Если, согласно съ Френелемъ, полагать, что Сендабиль и владѣнія Калатина находились гдѣ-либо на Загангскомъ полуостровѣ, то весь дѣйствительный маршрутъ Абу-Долефа ограничивался бы, повидимому, *Харкою, Таштасомъ и Надежою*, странами, которыя, по обстоятельствамъ, сообщаемымъ о нихъ въ „сказаніи“, можно принимать за горы владѣнія на Памирѣ и восточныхъ его сватахъ; затѣмъ землею *Баградосей* и землею народа *Тюббемъ*, которая обѣ, по описанію ихъ въ „сказаніи“, можно помѣщать на пространствѣ Тибета въ его настоящихъ предѣлахъ; затѣмъ — владѣніями по имени *Бали* и *Кулайбъ*, гдѣ уже налѣзли росли, стало быть индѣйскими; а за ними должно бытъ лежать уже и самый *Сендабиль*, который, принимая въ соображеніе, что отъ морскаго берега, гдѣ находится Кель, отстоялъ онъ, по „сказанію“, на 300 фарсаховъ, то-есть, по крайней мѣрѣ на 2.000 верстъ, приходится описывать лишь въ нижней Юньнаньской Области на юго-западной окраинѣ Китая. Въ предположеніи, что таковъ могъ быть дѣйствительный маршрутъ Абу-Долефа, надо допустить, что онъ не проѣзжалъ чрезъ земли ни одного тюркскаго народа, что обо всѣхъ странахъ тюркскихъ, которыя описываются у него, знаетъ онъ лишь изъ чужихъ разказовъ, можетъ быть изъ первыхъ, а пожалуй, изъ вторыхъ, даже изъ третьихъ рукъ, и что восточными, потому, слѣдуетъ считать въ маршрутѣ его; кромя нѣмнотыхъ выше, еще и статьи о *Хармухахъ, Таллазахъ* и *Хатлазахъ*.

Мы не допускаемъ этого. Не допускаемъ потому, что хотя въ Юньнани, по китайскимъ извѣстіямъ, и существовало, подъ именемъ *Нань-чао*, сильное государство, не разъ, со времени Тханской династіи, вступавшее во враждебныя столкновенія съ сосѣдними ему Китаемъ и Тибетомъ¹⁾, и потому весьма приличное для помѣщенія въ немъ Калатина со столицею его Сендабилемъ, — Юньнань, какъ и

¹⁾ *Dequignes: Hist. génér. des Huns, I, 173—175.*

Загангскій полуостровъ, считаемъ такими странами, которыя могли находиться въ сношеніяхъ съ Мавераннагромъ въ X вѣкѣ столь же мало какъ и въ настоящее время; тамъ, слѣдовательно, по всей вѣроятности, не знали о существованіи, не только саманида Насра сына Ахмедова, но даже и того края, гдѣ онъ властвовалъ; тамъ, поэтому, не могло возникнуть и самой мысли о какихъ-либо родственныхъ связяхъ съ саманидами, не говоря уже о томъ, что если бы подобная неестественность и могла возникнуть кто, то не нашлось бы средствъ въ ея осуществленіи. Проѣхать изъ Мавераннагра въ Юньнань возможно было во всѣ времена — лишь по картѣ; въ дѣйствительности же, на памяти исторіи, между странами этими не существовало никакихъ проѣзжихъ путей, и не производилось никакихъ сообщеній.

На этомъ, полагаемъ весьма уважительномъ, основаніи, Сендабиль, гдѣ царствовалъ Балатинъ и куда прѣвѣжало сватать дочь его посылство отъ Насра, не можетъ быть помѣщаемъ въ Юньнани.

Тамъ гдѣ же находились, и городъ этотъ, и владѣнія Балатина?

По нашему мнѣнію, то и другое, всего вѣроятнѣе, могло находиться на крайней сѣверо-западной оконечности Китая, въ нынѣшнихъ Гань-чжеу'скомъ уѣздѣ и Су-чжеу'скомъ округѣ-области Гань-су. Въ такому мнѣнію болѣе всего приводитъ насъ подробности, встречаемыя въ „сказаніи“ о *Макамъ-эль-Бабъ* и *Вадиль-Макамъ*, чрезъ которыя проѣзжалъ Абу-Долефъ непосредственно передъ прибытіемъ въ Сендабиль. То, что находимъ у него объ этихъ мѣстностяхъ, и слѣдованіи или посольства Насрова, весьма-похоже на разказы позднѣйшихъ путешественниковъ о вступленіи ихъ изъ Восточнаго Туркестана въ китайскіе предѣлы чрезъ *Цзя-юй-гуань* и *Су-чжеу*. Путешественники эти — послы къ императорскому китайскому двору изъ тѣхъ же краевъ, откуда отправились и послы Насровы, изъ Мавераннагра и Хорасана; послы знаменитаго Шахруха сына Тамерлана, ѣздившіе въ 1420—1422 годахъ, и затѣмъ римско-католическій миссіонеръ, португальскій монахъ Бенедиктъ Гоэсъ, посѣтившій Су-чжеу въ 1603 году. Приводитъ здѣсь въ подтвержденіе словъ нашихъ выписки изъ этихъ путешественниковъ, было бы слишкомъ длиннаго интересуетъ предметъ могутъ прочесть ихъ въ источникѣ¹⁾.

¹⁾ Отчетъ о путешествіи Шахрухова посольства — въ *Notices et extraits des manuscrits*, t. XIV, 1-re partie, p. 306 — 386; Гоэсово путешествие — въ книгѣ *Trigutius: De christiana expeditione apud Sinae* (Aug. Viad. 1615), lib. V, cap. 10.

Су-чжеу — достаточно большой китайскій городъ, чтобы показаться верхомъ великолѣпія для путника, знакомаго лишь съ мусульманскими городами и только что выбравшагося изъ безводныхъ песковъ Гобійской пустыни. Въ описаніи Сендабля и должны мы, по всей вѣроятности, видѣть описаніе Су-чжеу, разумѣется, съ прикрасами, какими не одинъ Абу-Долефъ дополнялъ дѣйствительность. Отождествленіе Сендабля съ Су-чжеу увеличиваетъ и самую вѣроятность, какъ дѣйствительности путешествія Абу-Долефова, такъ и дѣйствительности посольства отъ Калатина къ Насру о сватовствѣ, ибо между Су-чжеу и Бухарою или Самаркандомъ существовали въ X вѣкѣ дѣятельныя торговныя сношенія¹⁾, и Су-чжеу къ тому же, при смутахъ одолевавшихъ Китай въ продолженіи государстванія Насрова, находился въ рукахъ кого-либо изъ уйгурскихъ владѣльцевъ²⁾, которому могло казаться и выгоднымъ, и почетнымъ вступить въ родственныя связи съ сильнымъ государемъ, каковъ былъ Насръ, господствовавшій, кромѣ Мавераннахра, надъ Хорасаномъ, Седжестаномъ и т. д. Принявъ, что подъ Сендаблемъ слѣдуетъ разумѣть Су-чжеу, гдѣ властвовала Турки-Уйгуры, не имѣемъ надобности объяснять искаженіемъ и не-китайское имя Калатина Шахирова³⁾. Но въ такомъ случаѣ надо будетъ признать, что всѣ статьи „сказанія“ о странахъ тибетскихъ и за-тибетскихъ по предположительному марш-

¹⁾ О сухопутныхъ торговыхъ сношеніяхъ мусульманскихъ странъ съ Китаемъ въ X вѣкѣ см. у Масуди (*Les praigies d'or*, I, 349).

²⁾ Впервые овладѣвъ Уйгуры Гань-чжеу, Су-чжеу и другими китайскими городами и крѣпостями даже на западъ, около 850-хъ годовъ, какъ узнаемъ это изъ «Исторіи Тханской Династіи» (см. *И. Бичурина*: «Собраніе свидѣній, о народахъ, обитавшихъ въ средней Азій», С.-Пб. 1851, I, 424). Китайскій посолъ Чжанъ-хфай-ъ, проѣзжавшій этими мѣстами въ 938 году, упоминаетъ о господствѣ Уйгуровъ въ Гань-чжеу (*Abel-Remusat*: *Histoire de la ville de Khotan*, p. 76). И владѣли тутъ Уйгуры вплоть до 1028 года, когда призвали надъ собою власть тангутскихъ государей (*И. Бичурина*: «Исторія Тибета и Хуцунора», С.-Пб. 1833, т. II, стр. 21—22).

³⁾ *Калинг*, слово тюркское, значитъ «толстый», «дебелый» — имя весьма почетное въ племени, которое измѣряло геройство числомъ складовъ на брюхѣ (см. калмыцкую сказку о Дмангарѣ, въ переводѣ *Бобротников* — въ *Вестнике И. Р. Георг.* Общ. за 1854 г., ч. XII, стр. 112). Въ древнихъ «былянкахъ» нашихъ также, какъ извѣстно, поется про царя татарскаго по имени *Калинг* (см. напримѣръ, въ сборникѣ Кириши Данилова, названномъ *Калайдоочемъ*, Москва, 1818, стр. 242). *Шахир* — тоже, должно полагать, имя тюркское: у насъ, въ до-Петровское время, существовалъ, а быть можетъ, и теперь существуетъ, родъ *Шахиревыхъ*, конечно, татарскаго происхожденія.

рту Абу-Долефа на Юньнань — вставочныя, а проѣзжалъ онъ дѣйствительно только черезъ *Харку*, *Такмахъ*, *Наджу*, своротилъ затѣмъ въ земли *Харлугозъ*, и до китайскихъ предѣловъ добрался наконецъ черезъ сосѣднія съ ними владѣнія *Таназозъ*, то-есть, переваливъ черезъ Памиръ, направился въ Китаю дорогою, пролегавшею и доселѣ пролегающею около южныхъ скатовъ Тяньшаня, черезъ Кучу, Харашаръ и Турфань.

Такими предположеніями и объясненіями устраняются, повидимому, всѣ вышеизложенные поводы сомнѣваться въ дѣйствительности путешествія Абу-Долефова по Средней Азіи. Но ближайшее рассмотрѣніе „сказанія“ возбуждаетъ цѣлый рядъ новыхъ недоумѣній, которыя и должны быть разрѣшены для опредѣленія степени его достовѣрности.

Прежде всего о времени, когда совершено было Абу-Долефомъ его путешествіе.

Изъ „сказанія“ не видно, въ какомъ году правленія Насра, сына Ахмедова, отравились въ Сендабиль послы его, а съ ними и Абу-Долефъ. Курдъ фонъ-Шлецеръ толкуетъ, что такъ какъ Насръ скончался въ 331 году гижры, а извѣстіе о кончинѣ его получено было Абу-Долефомъ еще до выѣзда его изъ Сендабиля въ Индію, путь же до Сендабиля продолжался около 15-ти мѣсяцевъ, то выступить изъ Бухары долженъ былъ Абу-Долефъ или въ томъ же 331-мъ, или въ предшествующемъ 330-мъ году гижры, то-есть, въ 941-мъ по Р. X.¹⁾ Но изъ „сказанія“ не видно, чтобъ Абу-Долефомъ получено было въ Сендабилѣ извѣстіе о кончинѣ Насра. Курдъ фонъ-Шлецеръ приписалъ Абу-Долефу вставку въ разказъ его, сдѣланную неизвѣстными намъ лицами, въ которыхъ адресовано Абу-Долефомъ его „сказаніе“ въ видѣ письма, — лицами, изъ книги которыхъ, даже по заглавію намъ неизвѣстной, и извлечено было „сказаніе“, какъ Якутомъ, такъ и Казвиніемъ. Лица эти, доведя повѣствованіе Абу-Долефа до отправленія въ Хорасанъ дочери Калыновой, заключаютъ его словомъ *кала*, „сказалъ“, означая тѣмъ, что тутъ рѣчь Абу-Долефа прекращается, и затѣмъ вставляютъ уже отъ себя разказъ о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ Насра, начиная его словами: *Балагана анна Насранъ*, то-есть: „дошло до свѣдѣнія нашего“ и такъ далѣе. Покончивъ же вставочный разказъ этотъ замѣчаніемъ, что сами они сомнѣваются въ его достовѣрности, лица, о коихъ идетъ рѣчь, продолжа-

¹⁾ Abu Dolefi commentarius, p. 3.

ють затѣмъ повѣствованіе Абу-Долефа, на что и указываютъ фразою: *ya nardжаsu illa келами ресуми Насринъ* — *кала*; то-есть, „возвращаемся теперь къ рѣчи посла Насрова (Абу-Долефа). Сказываетъ онъ“. Затѣмъ слѣдуетъ уже собственный разказъ Абу-Долефа, начинающійся словами: *ya акаmtу бе Сендабила*, „оставался я въ Сендабилѣ“ и т. д. Съ возвращеніемъ означенной вставки ¹⁾ неизвѣстнымъ авторамъ ея по принадлежности, оказывается, что время отправления Абу-Долефа въ путь его до Сендабила остается неизвѣстнымъ. Но если мы не знаемъ, когда началось путешествіе Абу-Долефа, то знаемъ, повидимому, когда оно кончилось. Мы сказали уже, что изъ Индіи въ мусульманскія страны возвратился онъ черезъ Седжестанъ, когда властвовали тамъ, по словамъ его, Абу-Джафаръ Мухаммедъ, сынъ Ахмедовъ, внучъ Лейсовъ, мать котораго, Банубэ по имени, была родною сестрою Якуба, сына Лейсова ²⁾. Казалось бы, что послѣ такого точнаго указанія, нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить, если не въ какомъ именно году, то, по крайней мѣрѣ, въ какихъ годахъ пріѣхалъ Абу-Долефъ въ Седжестанъ. Къ сожалѣнію, для насъ это не только не легко, а совершенно невозможно, такъ какъ въ доступныхъ для насъ источникахъ по исторіи соффаридовъ, властвовавшихъ въ Седжестанѣ, не упоминается ни про Абу-Джафара Мухаммеда, сына Ахмедова, ни про мать его Банубэ. Мало того, изъ этихъ источниковъ можно заключать, что лице по имени Абу-Джафаръ Мухаммедъ, сынъ Ахмеда, внучъ Лейса, даже не существовало; неизвѣстно также, чтобъ у Лейса былъ сынъ по имени Ахмедъ. Извѣстно, напротивъ, что соффаридъ Лейсъ, сынъ Алія, внучъ Лейсовъ, разбитый войсками халифа Муктедира въ 910 году, отвезенъ былъ въ Багдадъ, а братья его, Муаддилъ и Мухаммедъ, пораженные около того же времени войсками саманидовъ, кончили жизнь тоже въ плѣну, первый въ Бухарѣ, второй — въ Багдадѣ, вслѣдъ затѣмъ Седжестанъ поступилъ во владѣніе саманида Ахмеда сына Исмаилова. Въ 912—913 году послѣдовало возстаніе въ Седжестанѣ, и госу-

¹⁾ Въ изданіи К. Ф. Шлёцера она выпущена, какъ не относящаяся къ путешествію. Можно замѣтить также, что поводомъ къ вставкѣ послужили предшествующія ей слова Абу-Долефа о томъ, что когда дочь Калынова доѣхала до жениха своего Нуха сына Насрова, онъ женился на ней. Нухъ, по смерти Насра, наследовалъ отцовскій престолъ: гдѣ же людямъ, имѣвшимъ въ виду вставить слышанный ими любопытный разказъ о смерти Насра, удобнѣе было сдѣлать это, какъ не при упоминаніи тутъ «сказанія» о Нухѣ.

²⁾ У Якута, въ изд. Вюстенюльда, II, 458.

даремъ этой страны провозглашенъ былъ соффаридъ Амру, сынъ Якубовъ, внукъ Мухаммеда, правнукъ Лейсовъ. Но этого, сколько извѣстно, послѣдній изъ соффаридовъ былъ тоже взятъ въ плѣнъ войсками Ахмеда сына Исмаилова, и отвезенъ въ Бухару ¹⁾. Такимъ образомъ всякое господство соффаридовъ въ Седжестанѣ прекратилось еще до вступленія на престолъ Насра сына Ахмедова, при которомъ поѣхалъ Абу-Долефъ въ Сендабилъ. Какимъ же образомъ согласить съ приведенными сейчасъ извѣстіями Ибнъ-эль-Эсира, Ибнъ-Хальдуна и Мирхонда показаніе Абу-Долефа о принадлежности Седжестана, по всей вѣроятности уже послѣ смерти Насра сына Ахмедова, никому неизвѣстному соффариду Абу-Джафару Мухаммеду? Показаніе это сильно отзывается не только анахронизмомъ, но и полнымъ невѣдѣніемъ исторіи Седжестана, которыя нивагъ не могли бы имѣть мѣста, если бы Абу-Долефъ дѣйствительно проѣзжалъ чрезъ Седжестанъ. Выходитъ, что, пожалуй, и въ Седжестанѣ онъ не былъ, а это, въ совокупности съ необозначеніемъ времени отправленія Абу-Долефова изъ Мавераннахра и другими обстоятельствами, о которыхъ сейчасъ же будетъ рѣчь, приводитъ уже ко второму изъ высказанныхъ нами предположеній — что въ основѣ „сказанія“, приписываемаго Абу-Долефу, не лежитъ никакого дѣйствительнаго путешествія, а есть оно только компиляція изъ вычитаннаго и услышаннаго отъ другихъ.

Въ этомъ послѣднемъ предположеніи утверждаютъ насъ слѣдующія соображенія:

Вопервыхъ — то, что хотя отправленіе пословъ Насромъ къ Калпыну въ Сендабилъ (если только Сендабилъ тождественъ съ Су-чжеу) и вслѣдствіе того бракъ сына и наслѣдника его Нуха съ дочерью Калпыновой и не представляются сами по себѣ невозможными, странно, однако же, что ни о томъ, ни о другомъ не встрѣчается никакого упоминанія ни у кого изъ извѣстныхъ мусульманскихъ писателей о саманидахъ.

Вовторыхъ, путь Абу-Долефа до Сендабиля, какъ мы видѣли, такъ

¹⁾ Histoire des Samanides par *Mirkhond*, texte persan, accompagné de notes critiques, historiques et géographiques par *M. Defrémery* (Paris, 1854), p. 129 et 235; *Veil*: Geschichte der Chalifen, II, 625—627. Можно замѣтить еще, что владѣтельное лицо по имени Мухаммедъ сынъ Ахмедовъ, и даже съ прозвищемъ Абу-Джафаръ, существовало въ дѣйствительности, по показанію *Ибнъ-Хальдуна*, только позже соффаридовъ, именно звался такъ внукъ алида Хасана сына Алиева, извѣстнаго подъ названіемъ Насиръ-эль-Утрусъ, властвовашаго въ Табристанѣ въ 301—304 годахъ геджры (913—916 по Р. X.). См. у *Вейля*, I, с. II, 618.

темень, что даже основательный и не любившій поверхностныхъ гипотезъ, Френъ считалъ возможнымъ отыскивать городъ этотъ на Загантскомъ полуостровѣ. Подобная темнота не могла бы имѣть мѣста, если бы Абу-Долефъ дѣйствительно доѣзжалъ до Сендабилья, гдѣ бы ни находился послѣдній. Сендабиль Абу-Долефовъ вѣтаетъ въ таковой же неопредѣленности, какъ и стѣна, описываемая Селламомъ-толмачемъ, за которою живутъ Гогъ-и-Магогъ. И подобно тому, какъ никто кромѣ этого Селлама не видалъ описанной имъ весьма подробно стѣны, никто, кромѣ Абу-Долефа, не посѣщалъ и Сендабилья. У писателей арабскихъ, предшествовавшихъ хронологически Абу-Долефу, имени этого города не упоминается, не знаетъ о немъ даже всезнающій Масуди; а у позднѣйшихъ если и упоминается, то не иначе какъ со словъ его же „сказанія“. Якутъ, въ словарѣ своемъ, подъ рубрикою *Сендабиль*, просто отсылаетъ читателя къ связанію Абу-Долефа, помѣщенному въ томъ словарѣ подъ рубрикою *Синъ* (Китай), значить никакихъ другихъ источниковъ о Сендабильѣ многоначитанный географъ этотъ не имѣлъ, а ужъ если онъ не имѣлъ, то кому же было и имѣть ихъ? Не находимъ затѣмъ Сендабилья ни у Эдриси, ни у Ибнъ-эль-Уарди, ни у Димешки, ни у Абульфеда, ни въ географическомъ словарѣ извѣстномъ подъ заглавіемъ *Мерасидъ-эль-Иттиль*. Только у Казвини, въ его *Асаръ-эль-Беладъ*, встрѣчаемъ описаніе этого города, но за то съ значительнымъ числомъ подробностей, которыхъ нѣтъ въ „сказаніи“ Абу-Долефа¹⁾. Этого одного обстоятельства, казалось бы, достаточно, чтобы поставить существованіе Сендабилья внѣ всякаго сомнѣнія: былъ же тамъ, значить, кто-нибудь кромѣ Абу-Долефа, и тоже оставилъ описаніе этого города, которымъ и воспользовался Казвини для пополненія извѣстій о немъ, сообщаемыхъ „сказаніемъ“. Но чтò же видимъ мы, вглядываясь въ тѣ подробности о Сендабильѣ у Казвини, которыхъ нѣтъ въ „сказаніи“?—видимъ, что Казвини, вообразивъ себѣ будто Сендабиль, о которомъ говорить Абу-Долефъ, есть столица всего Китая, отнесъ къ нему какъ тѣ подробности, которыя другіе арабскіе путешественники сообщаютъ о дѣйствительной столицѣ Китайской имперіи подъ Тханскою династією, городѣ Си-анъ-фу, у путешественниковъ этихъ именуемомъ *Хумдан'омъ*, такъ и вообще все, чтò разказывается ими о

¹⁾ *Zakaria el-Cazwini's Kosmographie* herausgegeben von F. Wüstenfeld (Göttingen, 1848), II, 30—31. Есть статья о Сендабильѣ и у *Bakoui* (см. въ *Notices et extraits des manuscrits*, t. II, p. 401), но Бакуви только переписалъ и сократилъ статью Казвинія.

Китаѣ. Такимъ образомъ, въ прямой противоположности съ тѣмъ, что говорится о Сендабилѣ у Абу-Долефа, читаемъ у Казвини, что городъ этотъ дѣлится рѣкою на двѣ части, изъ коихъ въ одной помѣщается государь, а въ другой простонародіе. Это извѣстіе взято изъ разказовъ Ибнъ-Ваггаба Абу-Зейду Сирафи ¹⁾. Такъ извѣстіе о цѣпи, однимъ конецъ которой въ приемной у государя, а другой внѣ дворца, и которую нужно привести въ движеніе, чтобы обратиться къ царю лично съ просьбою, взято изъ разказовъ купца Сулеймана ²⁾; отсюда же заимствовано поразительное для мусульманъ извѣстіе, что о каждомъ родившемся и умершемъ сообщается въ палату государеву ³⁾, и т. д. ⁴⁾. Замѣчательно также, что у Казвини нѣтъ статьи о Хумданѣ, и что Сендабилъ помѣщается онъ въ первомъ климатѣ, значитъ, по его соображеніямъ городъ этотъ находился въ южномъ Китаѣ. Изъ всего изложеннаго оказывается, что существованіе статьи о Сендабилѣ въ *Асаръ-эль-Беладъ* Казвини ни сколько не доказываетъ дѣйствительнаго существованія города съ этимъ именемъ, и что „сказаніе“ остается, и послѣ этой статьи, такимъ же, какъ было и до нея единственнымъ источникомъ свѣдѣній о Сендабилѣ, а это невольно заставляетъ думать, что Абу-Долефъ видѣлъ Сендабилъ столько же, сколько видѣлъ баснословный *Премъ Затъ-эль-Эймадъ* тотъ изъ асхабовъ Магомета, который утверждалъ это въ глаза халифу Муавинъ ⁵⁾. Какъ изложено уже выше, я полагаю, что основаніемъ разказовъ о Сендабилѣ могли послужить извѣстія о Су-чжеу; что же касается до самаго имени Сендабиля, то не родилось ли оно какимъ-нибудь образомъ изъ сліянія именъ двухъ дѣйствительно существовавшихъ въ Индіи городовъ: *Сандабуръ*'а и *Кандабилъ*'а, или изъ имени сычуаньскаго, близкаго къ Тибету, города *Да-цзынь-лу*, или наконецъ, изъ *Да-ли*, какъ звалась столица Нань-чжао'скаго государства?

¹⁾ Relation des voyages faits par les Arabes etc. II, 85—86.

²⁾ Тамъ же, II, 42.

³⁾ Тамъ же, II, 47.

⁴⁾ К. е. Шлѣцеръ говоритъ, что подробности сообщаемыя, Казвиніемъ о Сендабилѣ, заимствованы имъ, кромѣ Абу-Долева, еще изъ *Ибнъ-эль-Факиа* (Abu-Dolefi commentarius, p. annot. 49), что заставляетъ думать будто Ибнъ-эль-Факигъ тоже сообщаетъ что-либо о Сендабилѣ. Казвини дѣйствительно, въ статьѣ о Сендабилѣ, приводитъ слова Ибнъ-эль-Факига, но не объ этомъ городѣ, а о Китаѣ вообще, что совершенно измѣняетъ дѣло.

⁵⁾ См. объ этомъ у *Ибнъ-Халедуна*, въ *Notices et extraits des manuscrits*, t. XVIII, p. 17.

Втретьихъ, пусть Сендабиль и существовалъ бы себѣ гдѣ нибудь, пусть даже Абу-Долефъ былъ бы въ немъ, остается непонятнымъ, почему тотъ же Абу-Долефъ, описывавшій всѣ страны на пути къ Сендабилю, не даетъ ни малѣйшихъ подробностей о встрѣченномъ имъ на пути отъ Сендабиля до *Кэлэ*, тогда какъ, по его же словамъ, *Кэлэ* находилось отъ Китая въ разстояніи 300 фарсаховъ, то-есть, болѣе 2.000 верстъ. Чтò значитъ этотъ перескокъ изъ Сендабиля прямо въ *Кэлэ* черезъ такое огромное разстояніе? Значитъ то, что если бы Абу-Долефъ и былъ въ Сендабилѣ, то ужь оттуда до *Кэлэ* нивоимъ образомъ не проѣзжалъ. Переходъ изъ Сендабиля въ *Кэлэ* явно фиктивенъ; а если такъ, то какимъ же путемъ, спрашивается, попалъ онъ въ *Кэлэ* и Индію вообще? Простившись съ *Калыномъ*, „*хараджту ила-сѣ-сахимъ уриду бе Кэлэ*“, говоритъ Абу-Долефъ, то-есть, „вышелъ я къ берегу, направляясь къ *Кэлэ*“. Этой фразы нельзя понять такимъ образомъ, чтобъ Абу-Долефъ изъ Сендабиля выѣхалъ къ морю (китайскому), и моремъ уже достигъ до берега (индѣйскаго), по которому и прибылъ въ *Кэлэ*. Да и не мыслимо, чтобъ путешествовалъ до Сендабиля сухопутьемъ, не сказавъ затѣмъ Абу-Долефъ ни слова о морскомъ своемъ далѣе оттуда путешествіи, если бы дѣйствительно плылъ моремъ. Перескокъ, на который указываемъ, свидѣтельствуетъ, что если авторъ „сказанія“ и былъ въ Индіи, то попалъ туда не изъ Сендабиля; а если такъ, то весьма сомнительно, чтобъ онъ путешествовалъ по турецкимъ странамъ Средней Азіи.

Вчетвертыхъ, компилятивный характеръ „сказанія“ вывязывается въ немъ отсутствіемъ всякихъ личныхъ приключеній разказчика, и однообразіемъ плана въ изложеніи подробностей объ описываемыхъ странахъ и народахъ; о каждой почти связывается: чѣмъ питаются ея жители, во что одѣваются, какая у нихъ наружность, какіе нравы и обычаи, какъ управляются, какія имѣются замѣчательныя зданія, и въ чемъ заключаются естественныя произведенія и достопримѣчательности. Такъ путешествія не пишутся, такъ составляются лишь систематическіе сборники.

Но чтобъ допустить окончательно, что „сказаніе“, приписываемое Абу-Долефу, есть сборникъ, плодъ чтенія и разпросовъ, а не результатъ дѣйствительнаго путешествія по странамъ, о коихъ въ немъ разказывается, надо спросить себя предварительно: въ духѣ ли времени былъ бы такой подлогъ, могла ли бы мусульманскому грамотѣю X-го вѣка прійти мысль сдѣлать подобный сборникъ и принять на

себя званіе путешественника или произвести въ авторы путешествія другое лицо, ему приписать книгу, которой оно не составляло? Мнѣ кажется, что лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить существованіе извѣстнаго *рисала*, „сказанія“, Селлама-толмача о путешествіи его въ страну мрака въ стѣнѣ, построенной будто бы Александромъ Великимъ противу вторженія Яджуджей и Маджуджей (Гога и Магога). За сто лѣтъ до того, когда, предполагается, ѣздилъ Абу-Долефъ въ Сендабиль, получаетъ Селламъ официальное порученіе отъ халифа Уасибъ-Биллаха узнать, цѣла ли означенная стѣна (Халифъ видѣлъ во снѣ, что она развалилась, и былъ перепуганъ этимъ, какъ предзнаменованіемъ конца міру), ѣдетъ туда съ 50-ю спутниками, возвращается, докладываетъ, что видѣлъ стѣну и ворота въ ней, и подробно описываетъ какъ ворота эти, такъ и путь свой до нихъ. Можно ли было придумать ложь нахальнѣе, а между тѣмъ она пошла за чистѣйшую правду, и послѣдующіе географы повторяли басни Селлама „ничто же сумняшеса“. Если возможно было съ такою смѣлостію лгать самому халифу, имѣя нѣсколько десятковъ свидѣтелей, которые могли обнаружить обманъ, значить, лганье такого рода и за обманъ не считалось. Въ новѣйшее время извѣстный знатокъ мусульманской древности д-ръ Шпренгеръ не задумался обозвать „сказаніе“ Селлама прямо „безстыдною мистификаціей“¹⁾. Относительно же того, что неизвѣстными писателями фабриковались сочиненія, которыя потомъ, по разнымъ побужденіямъ, были приписываемы ими лицамъ славнымъ ученостію или чѣмъ другимъ, на это не мало примѣровъ имѣется въ арабской литературѣ.

На которомъ бы изъ двухъ предположеній нашихъ ни остановились читатели, умалился бы Абу-Долефъ въ глазахъ ихъ какъ путешественникъ, или и совсѣмъ испарился въ качествѣ автора „сказанія“, остается на лицо, во всякомъ случаѣ, самое „сказаніе“, то-есть, свѣдѣнія, заключающіяся въ немъ о разныхъ странахъ Индіи и Средней Азіи, свѣдѣнія новыя (то-есть, такіа какихъ у предшествующихъ географовъ и путешественниковъ не находимъ) и весьма любопытныя. Что же касается до достовѣрности матеріала заключающагося въ „сказаніи“, пусть судятъ о ней сами читатели на основаніи слѣдующихъ нашихъ изъ него выписокъ. Предварительно замѣтимъ однако же, что для правильнаго пониманія дѣла не должно, при чтеніи „сказанія“, упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ: 1) того, что

¹⁾ Die Post-und Reiserouten des Orients (Leipzig, 1864).- Vo rede, S. XV.

авторъ его раздѣляетъ общій всѣмъ Арабамъ взглядъ на этнографію Средней Азій, по которому всѣ разнообразныя племена ея — угорскія, тунгусскія, монгольскія, тюркскія, тибетскія и другія — представлялись имъ одинаково Турками; и 2) что характеристика населенія той или другой страны, встрѣчаемая въ „сказаніи“, относится часто вовсе не къ тому тюркскому народу, которому приписывается, а къ туземцамъ, тѣмъ народомъ покореннымъ. Не излишне также принять къ соображенію, что авторъ „сказанія“, должно быть чистокровный Аравитянинъ-степнякъ, не хочеть знать никакихъ территоріальныхъ дѣленій, и съ кочевой точки зрѣнія, признаеть одно этнографическое дѣленіе — на *кабиль*, „волѣна“, вслѣдствіе чего „волѣно“ приходится понимать у него иногда въ смыслѣ „народъ“, иногда же въ смыслѣ „страна“, „владѣніе“.

За этимъ предисловіемъ, приступаемъ къ передачѣ въ русское переводѣ самыхъ извѣстѣй „сказанія“ о Средней Азій, сопровождая ихъ, гдѣ сочтемъ нужнымъ, тѣми или другими объясненіями¹⁾.

„Первое волѣно, къ которому прибыли мы, оставивъ за собою мусульманскіе города Хорасана и Мавераннагра“, — начинаеть разсказъ свой авторъ „сказанія“, — „оказалось живущимъ въ странѣ по имени *Харка* (или *Харкатъ*). Ъхали мы этою страню цѣлый мѣсяцъ, питаея пшеницею и ячменемъ. Затѣмъ выѣхали мы на городъ по имени *Тахтакъ*. Проѣздомъ черезъ эту страну питались мы ячменемъ, просомъ, мясомъ разнаго рода и полевыми овощами. Ъхали ео 20 дней, покойно и безопасно. Жители признають надъ собою власть государя китайскаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, платяють дань Харкѣ, по той причинѣ, что Харкинцы вошли уже въ лоно ислама, а Тахтакцы близки къ тому. Тѣ и другіе соединяются нерѣдко чтобы воевать, для распространенія вѣры, съ язычниками дальше живущими“.

Двоеданство Тахтакцевъ — явленіе весьма естественное и безпрестанно возникавшее въ Восточномъ Туркестанѣ вслѣдствіе относительной слабости владѣній, на которыя дробилась страна, и притязаній сильныхъ сосѣднихъ народовъ на господство надъ этими владѣніями. Но едва-ли вѣроятно, чтобы владѣніе, какъ Тахтакъ, столь отдаленное отъ Китая, и при своей близости къ мусульманскимъ предѣламъ, сохраняло еще вассальныя отношенія къ Китаю, когда послѣдній,

¹⁾ За основной текстъ для перевода взяли мы «сказаніе» въ томъ видѣ, въ какомъ находится оно у Якута по изданію Вюстенеельда, но принимали въ соображеніе и варианты Казвиніева списка по изданію К. фонъ-Шлѣцера.

въ X вѣкѣ, не имѣлъ уже болѣе никакого политическаго значенія для странъ къ западу отъ него. Впрочемъ, если *Тахтакъ* „сказанія“ соотвѣтствуетъ владѣнью Восточнаго Туркестана, извѣстному вообще подъ именемъ *Хотана*, то нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ подчиненности его Китаю, если не дѣйствительной, то хотя номинальной, такъ какъ, по китайскимъ извѣстиямъ, дань изъ Хотана присылалась въ Китай и въ теченіе X столѣтія ¹⁾. Важно затѣмъ, если только нѣтъ въ немъ преувеличенія, извѣстіе, что Харкинцы, кто бы они ни были, исповѣдывали уже исламъ, а Тахтакцы, будь то Хотанцы или другой народъ въ западной части восточнаго Туркестана, считались уже близкими къ обращенію въ вѣру „послѣдняго пророка“: это — древнѣйшее и гдѣющееся извѣстіе о распространеніи ислама въ край къ востоку отъ Памира ²⁾. Судя по пищѣ, которою заставляють „сказаніе“ питаться проѣзжающихъ черезъ Харку и Тахтакъ, должно полагать, впрочемъ, что подъ этими именами идетъ въ „сказаніи“ рѣчь не о Яргини, какъ полагалъ Курдъ фонъ-Шлѣцеръ, и не о Хотанѣ, а скорѣе о горныхъ владѣніяхъ на Памирѣ и по восточному его свату. Скорѣе всего Харкѣ „сказанія“ соотвѣтствуетъ *Харканъ* Эдрисія, городъ, помѣщаемый послѣднимъ на пути отъ Вашгерда до Раста, гдѣ-то, повидимому, на Памирѣ ³⁾.

Южнѣе уже, или по крайней мѣрѣ, низменнѣе, судя по естественнымъ ея произведеніямъ, должно помѣщать третью страну, о которой говорится въ „сказаніи“, что Абу-Долефъ съ компаніей прибылъ туда изъ Тахтака — землю колѣна по имени *Наджа*, или *Баджа*. Сообщается о ней слѣдующее: „Проѣдомъ черезъ эту страну пита-

¹⁾ *Abel-Remusat: Histoire de la ville de Khotan*, p. 73—86.

²⁾ *Якуби* разказываетъ, правда, будто еще въ халкѣствѣ Омара сына Абдъ-эль-Аанзова явились Тибетцы къ намѣстнику хорасанскому съ просьбою дать имъ наставника въ исламской вѣрѣ (*Kitabo'l-Boldan*, edid. *Унунболл*, Lugd. Batav. 1861, p. 83). Читаемъ также у *Якута*, будто еще халкѣ Гышамъ сынъ Абдъ-эль-Малека посмалъ къ «царю Турокъ» приглашеніе принять исламъ (*Geographisches Wörterbuch*, herausgegeben von *F. Wästenfeld*, I, 839). Но то и другое были только предложенія, при чемъ о послѣднемъ мы знаемъ, что оно не сопровождалось успѣхомъ.

³⁾ *Géographie*, trad. par *Jaubert*, I, 482 — 483. Относительно Тахтаковъ, не понимаемъ, съ чего К. Фонъ-Шлѣцеру могло придти въ голову, будто это народъ извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ *Tatars*, влѣдетвіе чего и приводитъ онъ, въ примѣчаніи, длинную выписку о Татарахъ изъ Казвинія. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія для предположенія о тождественности Тахтаковъ съ Татарами.

лись мы ячменемъ, горохомъ и чечевицею. Ъхали цѣлый мѣсяцъ, въ покоѣ и безопасности. Жители ея—язычники; платять дань Тахтаку, но имѣютъ своего владѣльца, передъ которымъ кланяются до земли. Въ великомъ уваженіи имѣется у нихъ крупный рогатый скотъ, который, впрочемъ, въ землѣ ихъ не разводится¹⁾. Обильна она смоками, виноградомъ и чернымъ миселомъ. Есть въ ней также родъ нестаряемаго дерева, изъ котораго и впрѣзываютъ тамъ идоловъ²⁾.

Относительно имени этого владѣнія, замѣтимъ, что его можно читать также и *Яджа*. Подъ этимъ же именемъ, за тысячу лѣтъ до Абу-Долефа, существовало на Памирѣ или восточныхъ его скатахъ, небольшое владѣніе, описаніе котораго находимъ въ „Исторіи Старшей Ханьской Династіи“. Очень можетъ быть, что *Яджа* Китайцевъ тождественна съ *Яджею* Абу-Долефа, тѣмъ болѣе что и въ первой, по словамъ помянутаго китайскаго источника, рогатаго скота не водилось³⁾. Относительно обилія въ странахъ Восточнаго Туркестана „нестаряемаго дерева“, то-есть, асбеста, будетъ ниже другое извѣстіе. Касательно проѣзда страню въ теченіе цѣлаго мѣсяца, замѣтимъ, что, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и при показаніи времени проѣзда другими странами, показанія эти должно понимать не въ такомъ смыслѣ, будто столько-то или столько-то времени ѣхали все безостановочно, а въ смыслѣ продолжительности пребывания въ странѣ со всѣми роздыхами и остановками, которые могли быть весьма продолжительны, вслѣдствіе чего время, показываемое употребленнымъ на проѣздъ тою или другою страню, нивѣимъ образомъ не можетъ служить мѣриломъ не только протяженія ея въ какомъ-либо направленіи, но даже и длины той линіи пути черезъ нея, какою слѣдовали путешественники. Между тѣмъ стоило какому-либо путешественнику записать въ дорожникѣ своемъ

¹⁾ За этимъ слѣдуетъ фраза: *ya la yamikuana tazimant lama*, которую оставили мы безъ перевода, по неясности для насъ въ ней значенія глагола *ламака*. К. фонъ-Шлѣцеръ перевелъ эту фразу: *Eos (boves) non includunt, quum videntur eos aestiment*; но въ правильности такого перевода самъ не увѣренъ; предложеніе-же его вмѣсто *yamikuana* читать *yamikuana*, никоимъ образомъ не можетъ быть допущено, по неупотребительности глагола *ламака* въ смыслѣ *забаха*. Вюстенельдъ не затруднился перевести: *Sie halten die Stiere in Ehren, machen sie aber, aus Ehrfurcht vor ihnen, nicht zu ihren Fürsten (III)*.

²⁾ Къ этому у Казвини прибавлено: «путешественники изъ христіанъ приобрятають это дерево, полагаая, что оно то самое, на которомъ распятъ былъ Исусъ (да почтѣтъ на немъ миръ)».

³⁾ «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркистана», пер. съ китайскаго монаха *Иакима (Бичурина)*. С.-Пб. 1829, стр. 18.

„были такою-то землею столько-то дней“, на примѣръ двадцать, и послѣдующіе географы показывали уже, въ сочиненіяхъ своихъ, что эта земля „простирается на 20 дней пути“. Оттого и случается на примѣръ, что разстояніе одного пункта отъ другаго два арабскіе географа показывають въ 6 дней, тогда какъ третій — въ три мѣсяца пути ¹⁾).

Изъ земли колѣна Наджа прибылъ Абу-Долейфъ съ спутниками прямо въ землю колѣна *Беджнакъ*, о которомъ сообщается, что „бороды у нихъ длинныя, усы большіе; собою поджары; другъ съ другомъ живутъ въ раздорѣ; питаются только просомъ ²⁾“. Пробыли мы въ землѣ ихъ 12 дней, и сказывали они намъ, что страна ихъ обширна, прилегаетъ на сѣверѣ къ странѣ Сакалибовъ, а подати никому не платятъ“. Выше объяснено уже, что Беджнаки „сказанія“ суть Печенѣги нашихъ лѣтописей, которые дѣйствительно, въ X-мъ вѣкѣ сосѣдями къ сѣверу имѣли Славянъ, предковъ нашихъ.

„Затѣмъ“, продолжаетъ „сказаніе“, „прибыли мы къ колѣну, прозывающемуся *Джикиль*. Питаются Джикильцы только ячменемъ, горохомъ и бараниною. Верблюдовъ не рѣжутъ (въ пищу), говядины не ѣдятъ, да и нѣтъ въ странѣ ихъ рогатаго скота. Одежду носятъ исключительно шерстяную и мѣховую. Христіанъ между ними мало. Лицомъ красивы. Жениются иногда на собственныхъ сестрахъ и дочеряхъ, и вступаютъ въ браки въ другихъ воспрещенныхъ (исламомъ) степеняхъ родства. Не огнепоклонники они, а относительно браговъ слѣдуютъ огнепоклонническому ученію. (Изъ свѣтилъ небесныхъ) покланяются Канопу, Сатурну, Близнецамъ, Большой и Малой Медвѣдицѣ, Козерогу, а Сиріуса величаютъ прованіемъ владыки надъ владыками ³⁾). Въ землѣ ихъ покой и никакого зла не творится, но всѣ окрестъ ихъ живущіе тюркскія колѣна грабятъ ихъ и стараются себѣ подчинить. Есть у нихъ трава *камакъ* по имени, пріятная на вкусъ, варятъ ее вмѣстѣ съ мясомъ. Есть рудники откуда безоаръ

¹⁾ Таково разстояніе отъ Верхняго-Варсаджара до столицы ханана Тагазавовъ, съ одной стороны — у Кодамы и Муладеси, съ другой — у Ибнъ-Хордабегга (*Sprenger: Post-und Reiserouten des Orients*, ss. 26—27). Эдриси показываеть то же разстояніе въ два мѣсяца пути (въ Жюберовомъ переводѣ, I, 491).

²⁾ Вюстенфельдъ ухитрился перевести еразу эту такимъ образомъ: und nennen die jemenischen Dichter die obersten Herren (!!!).

³⁾ За этимъ слѣдуетъ ераза, слишкомъ наглядно рисующая первобытность печенѣжскихъ нравовъ: *ya афтаршуну-мъ уахиду-мъ-мар' ата ала зри-т-тарики* (у Кавзини: *ya афтаршуну-и-ниса' а ала зафри-т-тарики*), почему и оставляемъ ее безъ перевода.

добываютъ ¹⁾. Изъ растений *дамль* и полевого *дади* ²⁾ готовятъ родъ пива, сильно опьяняющаго. Жилища строятъ изъ дерева и костей ³⁾. Своего государя не имѣютъ. Ыхали землею ихъ 40 дней покойно, удобно и безопасно.

Ни о какомъ народѣ по имени *Джикиль* писатели арабскіе до Абу-Долефа не упоминаютъ, а писатели позднѣйшіе сообщаютъ объ этомъ народѣ лишь то, что читаемъ у Абу-Долефа. Исключеніе составляетъ одинъ Якутъ, въ словарѣ котораго подъ рубрикою *Джикиль* ⁴⁾ значится только, что это „страна въ Туркестанѣ по близости къ Турару (Таразу?)“. Принимая въ соображеніе это опредѣленіе жилищъ Джикилей и то, что въ арабскихъ рукописяхъ собственные имена являются нерѣдко въ крайней степени искаженія, есть вѣроятность, что народъ этотъ — тотъ же самый, о которомъ Эдриси и другіе географы говорятъ подъ именемъ *Халазъ* ⁵⁾. Извѣстіе, что между Джикилями „мало христіанъ“ можно понимать и такъ, что въ землѣ ихъ живетъ небольшое число христіанъ-иностранцевъ, и такъ, что изъ самихъ Джикилей есть небольшое число исповѣдующихъ христіанскую вѣру. Въ послѣднемъ случаѣ, это было бы древнѣйшее мусульманское извѣстіе о ввѣдреніи христіанства въ степяхъ Джунгаріи ⁶⁾. Любопытны также извѣстія и объ ихъ звѣдопоклонничествѣ.

Изъ земли Джикилей выѣхалъ Абу-Долефъ въ землю „колѣна, именуемаго *Баиражъ*“, о которомъ связываетъ: „народъ безбородый. Государь ихъ — государь высочестепенный. Связываютъ, что онъ Алиецъ по происхожденію, изъ потомства Яхьи сына Зейдова, и что есть у него коранъ поволоченный, со стихами на переплетѣ, въ ко-

¹⁾ Какія это растенія, мы не знаемъ. Последнее Вюстенесальдъ, а за нимъ и К. фонъ-Шлёцеръ принимаютъ за „дикій ячмень“, но на какомъ основаніи, ниъ неизвестно.

²⁾ Слѣдуетъ ерза: *ya xaltu-l-xabax ya il bakarun yunaka* (у Казвини: *ya xaltu-l-xanax ya il bakaratun takunu yunaka*), которой я не понимаю. К. фонъ-Шлёцеръ передалъ ее такъ: *et serpentes maligni, qui incipientes frigore hanc regionem veniunt*, что вовсе не походитъ на дѣло.

³⁾ Не украшеніе ли домовъ снаружи рогами животныхъ подаю поводъ къ такому показанію?

⁴⁾ Geographisches Wörterbuch, herausgegeben von F. Wästenfeld, II, 95.

⁵⁾ Geographie d'Edrisi, trad. par Jaubert, II, 218.

⁶⁾ Сирийскія объ этомъ извѣстія имѣемъ мы изъ начала IX-го вѣка, а византійскія — даже изъ конца VI-го или начала VII-го столѣтія. См. H. Iule: Cathay and the way thither (London, 1866), preliminary essay, p. XCVII—XCVIII.

торыхъ оплакивается Зейдъ. Коранъ этотъ служить предметомъ поношенія. Зейдъ, по ихъ понятіямъ, былъ государемъ Арабовъ, Али же, сынъ Абу-Талобовъ, считается у нихъ богомъ Арабовъ. И никого, не происходящаго изъ этой семьи Алидовъ, не возводятъ они на царство. На небо когда стануть смотрѣть, рты разѣваютъ и глаза пучать: „оттуда-де низшелъ богъ Арабовъ, и туда онъ вознесетъ“. Государи ихъ, происходящіе изъ Зейдова рода, отличаются чудною особенностію: борода у нихъ растетъ, носы прямые, глаза большіе. Войско держатъ и конное, и пѣшее. Промыселъ ихъ въ томъ, что оружіе выдѣлываютъ, и выдѣлываютъ отлично. Питаются ячменемъ и бараньей. Нѣтъ въ странѣ ни рогатаго скота, ни возъ. Одежду носятъ исключительно войлочную. Ъхали землею этою мѣсяцъ, въ постоянномъ страхѣ и опасеніи, и уплатили въ пошлину десятую часть всего, что съ нами имѣлось“.

Баграджи — тоже народъ, о которомъ не говоритъ никто изъ арабскихъ писателей прежде Абу-Долефа, а послѣдующіе только повторяютъ его слова¹⁾. Что касается до Алидовъ, у нихъ властвовавшихъ, то обстоятельство это не такъ дивно, какъ съ перваго взгляда кажется. Почему какому-либо семейству Алидовъ не проникнуть было въ страны между Китаемъ и Хорасаномъ, подобно тому, какъ проникали въ Китай послѣдніе Сассаниды, какъ пробирались въ Грузію и Арменію, и утвердились тамъ въ качествѣ феодаловъ, Орбеліани и Мамигоніане, считающіеся выходцами изъ Китая? ²⁾. Судя по нѣкоторымъ особенностямъ страны Баграджей, походитъ она скорѣе на тибетскую, нежели на восточно-туркестанскую или джунгарскую. Зато, почти никакого тибетскаго характера не видимъ мы въ слѣдующей статьѣ „сказанія“ — о „колѣнѣ, зовущемся *Тюббетъ*“, въ которому пріѣхалъ Абу-Долефъ прямо отъ Баграджей.

Объ этомъ колѣнѣ *Тюббетъ* сказывается: „Ѫхали землею ихъ 40 дней, удобно и безопасно, питаясь пшеницею, ячменемъ, бобами, мясомъ, рыбой, овощами, плодами, виноградомъ. Одежду тамъ носятъ всякую. Городъ имѣютъ большой, построенъ изъ тростника; въ немъ храмъ изъ бычачьихъ шкуръ, пропитанныхъ жиромъ (?), а въ храмѣ — приношенія: рога мускусныхъ газелей³⁾. Населеніе города соста-

¹⁾ У Бакуви *Эль-Баграджъ* превратилось, благодаря переписчикамъ, въ *Эль-Фаражъ* (Notices et extraits des manuscrits, II, 509). У Ахмеда Туси, или у издателя его Хаммера, «народъ безбородый» превратилось въ «имѣютъ большія бороги» (!). См. Хаммера: Sur les origines russes, p. 33, 98.

²⁾ *Saint-Martin*: Mémoires sur l'Arménie, II, 15, 23 — 28.

³⁾ Такъ по Якуту. По Кавказу «идолы изъ роговъ мускусныхъ газелей».

вляють Мусульмане, Евреи, Христіане, Огнепоклонники и Индѣйцы. Дань платять Алиду баграджскому. Своихъ правителей имѣють избирательныхъ. Острогъ есть, куда сажаютъ за преступленія ¹⁾). Молясь, обращаются къ киблѣ (то-есть, въ ту же сторону, куда и мы обращаемся)“.

Тюббетъ мусульманскихъ географовъ — страна весьма загадочная, и во всякомъ случаѣ, менѣе всего похожая на то, что знаемъ мы подъ именемъ Тибета. По Абу-Долефу, *Тюббетъ* — имя народа; по Эдриси — имя народа; по Масуди — имя страны, но какой страны? какого-то Эльдорадо, какой-то Атлантиды. „Тибетская страна — читаемъ у Масуди — обладаетъ удивительными свойствами относительно ли климата, водъ и почвы, относительно ли равнинъ ея и горъ. Люди тамъ постоянно веселы, радостны, смѣются, не зная ни горя, ни грусти, ни заботъ. Не перечтешь ни разнообразныхъ плодовъ и цвѣтовъ этой страны, ни богатствъ луговъ ея и рѣкъ. Климатъ тамошній даетъ силу крови, какъ въ людяхъ, такъ и въ животныхъ. Оттого почти не встрѣтишь тамъ угрюмыхъ даже между стариками и старухами; бодро и весело глядятъ тамъ, какъ старость и зрѣлый возрастъ, такъ юность и отрочество. Природная крѣпость и веселость характера, общая всѣмъ жителямъ, побуждаетъ ихъ предаваться шуткамъ, мумгѣ, плясѣ, такъ что даже и въ случаѣ смерти близкихъ не испытываютъ они такого горя, какъ другіе люди въ подобныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ Тюббетцы очень сострадательны другъ къ другу, и сироту усыновить каждый изъ нихъ. Добронравны тамъ и самыя животныя“ ²⁾). Это ли, спрашивается, нашъ холодный, бесплодный, пустынный, голодный, угрюмый, тоску наводящій Тибетъ? Не ясно ли, что предложенная характеристика можетъ относиться только до равнинъ Яркяни и Хотана, до ихъ здороваго климата, до ихъ населенія, искони, славившагося веселостію и гульливостію?

Изъ Тюббета отправился Абу-Долефъ непосредственно въ землю „волѣна по имени *Кымакъ*, гдѣ жилища дѣлаются изъ кожъ, а народъ питается горохомъ, бобами и мясомъ барановъ и козловъ, овецъ же и козъ не рѣжетъ (для пищи.) Растетъ тамъ виноградъ, половина ягоды бѣлая, половина черная. Камень есть, такъ сказать

¹⁾ Такъ по Якуту. У Казвини, вмѣсто *махбасъ*, по опискѣ, *меджлисъ*, что и заставило Е. фонъ-Шлѣцера перевести совершенно ошибочно: *Jus dicant de publicis secretisque criminibus*.

²⁾ *Les prairies d'or*, II, 350 — 351.

„магнитъ дождевой“, посредствомъ котораго вызываетъ дождь, когда онъ вздумается. Золото добываютъ почти на поверхности почвы, найдя его въ видѣ мелкихъ кусочковъ. Алмазы есть, вскрываемые водными потоками. Трава есть, сладкая на вкусъ, въ сонъ приводитъ и въ оцѣпенѣніе. Тростникъ растетъ годный для письма ¹⁾. Государя у нихъ нѣтъ, нѣтъ и храма никакого. Кто прожилъ болѣе восьмидесяти лѣтъ, тому поклоняются, если только не хворь отъ или какого изъяна за нимъ нѣтъ. Ъхали эту землю 35 дней“.

Абу-Долефъ и современные ему географы называли *Кимаками*, по всей вѣроятности, тотъ же самый народъ, который у китайскихъ писателей извѣстенъ подъ именемъ *Ку-мо-хи* ²⁾. Позже, когда Ку-мо-хи поворены были сосѣдними имъ Киданями, арабскіе географы имя побѣжденныхъ перенесли, должно полагать, на побѣдителей, то есть, стали и *Киданей* звать Кимаками. По крайней мѣрѣ, въ *Кимакахъ* Эдриси нѣтъ ничего похожего на *Кимаковъ* Абу-Долефа ³⁾. Такимъ же образомъ сосѣдніе Монголамъ тюркскіе народы продолжали звать Монголовъ Татарами долгое время послѣ того какъ Татары покорены уже были Монголами. Подъ „жилищами изъ кожъ“ должно понимать „кибитки“ въ которыхъ кошмы замѣнялись кожами. Камень, называемый Абу-Долефомъ „дождевой магнитъ“, есть знаменитый камень *мадэ* или *джэдэ*, посредствомъ котораго степные кудесники, по вѣрованію всей Средней Азии, могли производить не только дождь, но и бурю. Золото въ верхнемъ слое почвы встрѣчается весьма нерѣдко на нашихъ оренбургскихъ и сибирскихъ присахъ. „Алмазы, вскрываемые водными потоками“ значить алмазы, вымываемые дождями изъ горныхъ породъ. Подъ „травой сладкаго вкуса, наводящею сонъ и оцѣпенѣніе“ разумѣлось, быть можетъ, растеніе, которое извѣстно въ Камчаткѣ подъ именемъ „сладкой травы“ (*Sphondylium foliolis pinnatifidis* Linn.): вино, которое изъ нея гнали, быстро опьяняло и приводило въ безчувствіе ⁴⁾. Особаго вида тростникъ, *calamus scriptorius*, служитъ повсюду на мусульманскомъ востокѣ для того же употребленія, какъ у насъ перья гусиные и желѣзные.

¹⁾ Вюстенфельдъ перевелъ: Sie schreiben eine eigene Schrift, и можетъ быть, угадалъ смыслъ вѣрнѣе, чѣмъ я и К. фонъ-Шлѣцеръ.

²⁾ О *Ку-мо-хи* см. въ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азии», I, 470—476.

³⁾ О *Кимакахъ* у Эдриси см. въ его *Géographie*, trad. par. Jaubert, II, 221—224.

⁴⁾ С. Крашенинникова: «Описаніе земли Камчатки», второе изд. С.-Пб. 1786, I, 196—200.

Отъ Кимаковъ выѣхалъ Абу-Долефъ „въ страну холма *Гузъ*, у котораго городъ имѣется построенный изъ камня, лѣсу и тростника; имѣется и храмъ, а идоловъ нѣтъ въ немъ. Государь у нихъ высоко-степенный, которому и платять они подать. Торгъ ведутъ съ Индією и Китаемъ. Питаются только пшеницею, овощей не разводятъ, а изъ мяса ѣдятъ баранину и козлятину. Одежду носятъ бумажную и мѣховую; шерстяной не употребляютъ. Есть у нихъ камень бѣлаго цвѣта—помогаетъ отъ рѣзы въ желудкѣ, и камень зеленого цвѣта—привести имъ по сабельному клинку, такъ ничего не пересѣчетъ. Ыхали землю ихъ мѣсяць, спокойно и безопасно“. Гдѣ находились жилища *Гузозъ*, о томъ была уже рѣчь выше. Изъ всѣхъ торескихъ народовъ, это былъ наиболѣе извѣстный Мусульманамъ, по сосѣдству съ ними на большомъ протяженіи. Городовъ у *Гузозъ* было не одинъ, а нѣсколько.

Изъ земли *Гузозъ* „сказаніе“ ведетъ Абу-Долефа и спутниковъ его въ землю *Таназаозъ*, о которыхъ сообщаетъ, что „ѣдятъ они мясо, и вареное, и въ сыромъ видѣ. Одежду носятъ изъ бумажныхъ тканей и войлока. Храмовъ для богомоленія не имѣютъ. Дорожатъ очень лошадьми и старательно ухаживаютъ за ними. Камень есть у нихъ, останавливающий кровотеченіе, если повѣсить его на шею истекающему кровью. Когда радуга показывается на небѣ, начинаютъ праздничать. Молясь, обращаются къ западу. Государь у нихъ высоко-степенный. На самой вершинѣ кремля шатеръ у него стоитъ золотой: девятьсотъ человѣкъ помѣститься могутъ, изъ за пяти фарсаховъ видѣнь издали. Знамена у нихъ черныя. Землей ихъ ѣхали 20 дней, въ страхѣ великомъ“. Въ текстѣ Абу-Долефа по Ялуту нѣтъ сказанія о золотомъ шатрѣ: я думаю, что у Казвини оно вставное, взятое изъ книги Ибнъ-Хордадбега, гдѣ о шатрѣ этомъ говорится слово въ слово то же самое ¹⁾. Объемомъ шатра, впрочемъ, соблазняться не слѣдуетъ: мы сами, разѣзжая по киргизскимъ степямъ, сживали въ „кбиткахъ“ султановъ и богачей, которыя могли вмѣстить до 300 и болѣе человѣкъ ²⁾. Подъ „одеждой изъ войлока“ разумѣлись, вѣроятно, бурки. Объ употребленіи войлока на одежду въ Шаньшани упоминаетъ и китайскій путешественникъ Фа-Сянь ³⁾.

Что касается до имени народа *Таназазъ* и того, какой народъ

¹⁾ *Journal Asiatique* за 1865 годъ, t. V, p. 267.

²⁾ Описаніе шатра золотоордынскаго хана Узбека, см. у Ибнъ-Батуты (*Voyages, trad. par Deffrémery de Sanghinatti, Paris 1854, II, 383—384*).

³⁾ Foe-koue-ki, trad. par Abel Rémusat (Paris, 1836), p. 7.

обозначали этимъ именемъ арабскіе писатели, это—одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, предстоящихъ въ разрѣшенію европейскимъ изслѣдователямъ. Имя, читаемое издателями Абу-Долефа какъ *Тагазазъ*, является въ рукописяхъ съ диакритическими точками, разставленными такъ, что его читали также *Тагаразъ*, *Тагараръ*, *Багазазъ*, *Багараръ*. Хаммаръ предлагалъ читать *Турурузъ*¹⁾, Клапротъ — *Иуруузъ*²⁾. Френъ видѣлъ въ вариантахъ этого имени искаженіе слова *Тунузъ*³⁾. Большинство новыхъ издателей арабскихъ текстовъ остановилось на томъ, чтобы читать *Тагазазъ*; но почему такъ? Если вмѣсто *Хазлуджъ* стали теперь читать *Хармузъ*, это на томъ основаніи, что о народѣ тюрескомъ по имени *Хармузъ* или *Кармузъ* говорятъ позднѣйшіе персидскіе и тюркскіе писатели, которымъ было ближе знать, какъ онъ дѣйствительно звался. По той же причинѣ, вмѣсто *Хирхиръ* стали читать *Хирхизъ*. О народѣ же *Тагазазъ* никакіе персидскіе и тюркскіе писатели, почерпавшіе свѣдѣнія свои изъ другихъ источниковъ чѣмъ старыя арабскія географы, не упоминаютъ. Почему же чтеніе *Тагазазъ* предпочтительнѣе чтенія *Багараръ*, *Туруруръ* и т. д.? По Дегиню⁴⁾ и Рено⁵⁾, Тагазгазами называли Арабы Турокъ, которые у Китайцевъ звались *Ша-то*. Сходства въ звукахъ нѣтъ тутъ никакого. По другимъ, подъ Тагазгазами Арабовъ слѣдуетъ разумѣть *Хой-ху* Китайцевъ или *Уйуровъ* позднѣйшихъ мусульманскихъ писателей. Опять никакого сходства въ звукахъ между *Тагазазъ* и *Хой-ху*, или *Тагазазъ* и *Уйуръ*. Клапротово предложеніе читать *Иуруузъ* опирается, по крайней мѣрѣ, на какую-нибудь историческую гипотезу (ту, что *Хой-ху* и *Гузъ* суть отдѣлы одного и того же народа, а какъ *Хой-ху* = *Уйуръ*, что Арабы могли произносить *Иууръ*, то общее имя цѣлаго народа и будетъ *Уууръ-Гузъ*), хотя, по нашему мнѣнію, гипотеза эта совершенно несостоятельна. Одно обстоятельство, на которомъ можетъ основываться чтеніе *Тагазазъ*—то, что Византиецъ Теофилактъ Симокатта упоминаетъ о какой-то странѣ въ Средней Азіи по имени *Тауастъ*⁶⁾. Но надо доказать еще, что *Тауастъ* Теофилактовъ тождественъ съ тѣмъ, что

¹⁾ Sur les origines russes, p. 69.

²⁾ Tableaux historiques de l'Asie, p. 229.

³⁾ Ibn Fozlan's Berichte, s. 30.

⁴⁾ Hist. génér. des Huns, III, 37.

⁵⁾ Relation des voyages dans l'Inde etc. I, discours préliminaire, p. CLV.

⁶⁾ *Theophylacti Simocattae Historiarum libri, ex recens. Imm. Bekkeri* (Bonnae, 1834); p. 283 et 286—287.

Арабы зовутъ *Таазазъ*, а этого никто не доказалъ. Извѣстія мусульманскихъ писателей о странѣ народа Тагазгазъ такъ сбивчивы и противорѣчивы, что мы не беремъ на себя здѣсь окончательнаго разъясненія вопроса, какою именно страну или народъ обозначали Арабы этимъ именемъ, а замѣтимъ лишь, что *Таазазъ* Арабовъ можно, естественнѣе всего, считать искаженіемъ тюркскаго *Тоузъ-Уйуръ*, какъ звался, по преданію, сохраненному Рашидъ-эд-Диномъ, одинъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ уйгурскаго народа ¹⁾. Принявъ же это объясненіе, слѣдуетъ читать уже не *Таазазъ*, а *Тоузгуръ*.

Изъ земли Тагазгазовъ или Тоузгуровъ выѣхалъ Абу-Долефъ въ страну „колѣна по-имени *Хирхизъ*“, и сказываетъ объ этомъ народѣ, что „питаются онъ просомъ, рисомъ, говядиною, бараниною, козатиною и всякимъ мясомъ, кромѣ верблюжьяго. Есть у нихъ храмъ для богомоленія, и тростики, которыми пишутъ. Народъ разсудительный и осмотрительный. Зажегши свѣтильникъ не гасятъ его, пока не погаснетъ самъ собою. Въ молитвахъ употребляютъ особую, мѣрную рѣчь. Есть мускусъ у нихъ, но мало. Въ годъ имѣютъ три праздника. Знамена ихъ зеленаго цвѣта. Молясь обращаются въ югу. Повланяютъ планетамъ Сатурну и Венерѣ, а Марса считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Дивныхъ звѣрей въ странѣ ихъ множество. Есть камень, свѣтящійся ночью, употребляютъ его вмѣсто ночниковъ, но въ страны не имѣетъ онъ связаннаго свойства. Государь у нихъ есть имѣющій большую власть: въ присутствіи его не садится никто, кому нѣтъ сорока лѣтъ отъ роду. Ыхали этою землею мѣсяць, спокойно и безопасно“.—Какъ ни странны кажутся иныя извѣстія „сказанія“ о религиозныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ того или другаго тюркскаго народа, о разныхъ въ земляхъ ихъ камняхъ и растеніяхъ съ чудными свойствами, и т. д., но мы такъ еще мало знаемъ о народахъ Средней Азии въ прежнія времена и о странахъ ихъ въ настоящемъ, что не имѣемъ права отвергать достовѣрности такихъ извѣстій. Огнепоклонничество и звѣздопоклонничество могли процвѣтать нѣкогда въ степяхъ Джунгаріи и Монголіи столько же, сколько теперь процвѣтаетъ тамъ буддизмъ. *Хирхизы* арабскихъ географовъ несомнѣнно тождественны съ *Ха-и-сы* Китайцевъ ²⁾; но тотъ ли самый это народъ, что нынѣшніе *Кэрмизы* на Тяньшанѣ и Памирѣ, подлежатъ еще разслѣдованію.

¹⁾ См. «*Джамі-ут-Теварихъ*» Рашидъ-эд-Дина, въ, изд. *И. Березина* (Труды Вост. Отд. Имп. Арх. Общ. т. V, стр. 125).

²⁾ О *Ха-и-сы* см. въ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азии», I, 422—452.

„Затѣмъ—продолжаетъ „сказаніе“—прибыли мы въ землю колѣна именуемаго *Харлухъ*. Питаются горохомъ и чечевицей. Пьютъ напитокъ, приготовленный изъ ячменя. Маса не ѣдятъ иначе какъ съ солью. Одежды носятъ шерстяныя. Храмъ у нихъ есть, на стѣнахъ котораго изображены прежніе ихъ государи. Дома строятъ изъ дерева негареимаго, которое у нихъ въ обиліи. Другъ друга постоянно обижаютъ и притѣсняютъ, другъ другу завидуютъ. Прелюбодѣяніе между ними—дѣло позволительное. Игроки они страстные: играютъ на женѣ, сыновей, дочерей, матерей. Пока играющіе остаются на игорномъ сборищѣ, проигравшему предоставляется выкупать проигранное; но если онъ, не сдѣлавъ этого, уйдетъ, то выигравшій считается владѣльцемъ проиграннаго и продаетъ его купцамъ какъ полную свою собственность. Женщины ихъ славятся красотой и безнравственностію, а мужчины не знаютъ, что такое ревность. Когда приходятъ караваны въ эту страну, то жены, дочери, сестры знатныхъ и другихъ людей отправляются имъ на встрѣчу; и если женщина понравится гостю, то ведетъ его въ жилище свое, помѣщаетъ тамъ, угождаетъ ему, а мужа своего, дѣтей, братьевъ заставляеть хлопотать по его дѣламъ. Пока гость въ домѣ, мужъ не подходитъ къ женѣ, развѣ по какой надобности, которая ему поручена. Затѣмъ жена и гость ѣдятъ, пьютъ и другимъ занимаются на глазахъ у мужа, а тотъ и не думаетъ ревновать или мѣшать. Праздники у нихъ бываетъ такой, когда всѣ въ парчу наряжаются, а кто недостаточно зажиточенъ для этого, тотъ хотя кусочекъ парчи нашиваетъ на платье. Есть у нихъ рудникъ серебряный; серебро добываютъ посредствомъ ртути. Есть дерево высокорослое, замѣняющее имъ миробаланъ: помазать сокомъ его воспаленную опухоль—мигомъ ее разбиваетъ. Камень есть у нихъ огромный, пользующійся великимъ уваженіемъ: передъ камнемъ этимъ судъ творять и во славу его жертвы закаляютъ. Камень этотъ зеленого цвѣта. Землю Харлуховъ ѣхали мы безопасно 25 дней“.

Весьма любопытныя извѣстія Абу-Долефа о нравахъ Харлуховъ показывали бы въ нихъ народъ осѣдлый, если бы относились собственно къ нимъ; но тутъ ясно, что идетъ рѣчь не о Харлухахъ, а о населеніи, имъ подвластномъ, именно—о городскомъ населеніи сѣверной окраины Восточнаго Туркестана, отличавшейся, и по китайскимъ извѣстіямъ, распущенностію нравовъ ¹⁾. Сами Харлухи, судя по тому, что узнаемъ

¹⁾ Въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ» читаемъ о Кучѣ, что «жители ея вообще дурной нравственности»; а въ «Исторіи Тханской Династіи» — что «отъ

о нихъ отъ Масуди ¹⁾ и Эдриси ²⁾, представляются тождественными съ Западными *Тую* Китайцевъ, то-есть, съ Западными Турками. О рудникахъ серебряныхъ упоминаетъ, въ путешествіи своемъ по Восточному Туркестану, и Сюань-Цзанъ; онъ помѣщаетъ эти рудники во владѣніи О-цзи-ни (нынѣшнемъ Харашарскомъ Округѣ ³⁾), что, если принимать ихъ за тѣ же самыя, о которыхъ говоритъ Абу-Долефъ, заставляло бы думать, что власть Харлуховъ простиралась и на нынѣшнюю Харатарскую область. Но рудники, о которыхъ идетъ рѣчь у Сюань-Цзана и Абу-Долефа, могли находиться въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, весьма возможно, что Абу-Долефъ (или другой Арабъ, писавшій подъ его именемъ) перепутывалъ подь-часъ слышанное имъ о турецкихъ земляхъ и народахъ, и приписывалъ одному народу то, что относилось къ другому, помѣшалъ въ одной землѣ то, что принадлежало другой, почему слѣдуетъ быть крайне воздержнымъ на выводы изъ данныхъ „сказанія“.

Изъ земли Харлуховъ ведетъ Абу-Долефъ читателей своихъ въ землю „колѣна именуемаго *Хатлахъ*“, сказывая, что „питаются они только пшеницею и сырымъ мясомъ разныхъ животныхъ“, и что „не встрѣчалъ онъ между турецкими волѣнами, имъ видѣнными, таковаго, которое бы превосходило ихъ въ храбрости, ибо грабятъ они всѣхъ сосѣдей своихъ. Въ бракъ вступаютъ они даже съ сестрами, но женщина можетъ быть замужемъ только разъ въ жизни; по смерти мужа, она навсегда остается вдовою. Народъ разсудительный и разумный въ дѣлахъ. Прелюбодѣяніе наказывается сожженіемъ обоихъ виновныхъ. Развода не знаютъ. Въ окупъ за невѣсту идетъ все имущество жениха ⁴⁾, да, сверхъ того, цѣлый годъ долженъ онъ находиться въ услуженіи у тестя. За убійство полагается выдача головою, за пораненіе—пена, но если пораненный, получивъ пеню, умретъ, за кровь его уже не взыскивается. Государь ихъ отвращается отъ зла. Онъ не вступаетъ въ бракъ; если бы женился, былъ бы подвергнутъ смерти. Ъхали этою землею 10 дней“.

Цуцлипа на востокъ жители вообще преданы сладострастію» (см. Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи, III, 161 и 218).

¹⁾ Les prairies d'or, I, 2-8.

²⁾ Géographie, trad. par Jaubert, II, 214, 215. et passim.

³⁾ Histoire de la vie de Hiouen-Thsang, trad. par Stan. Julien (Paris, 1853) p. 46—47.

⁴⁾ Мѣсто темное въ подлинникѣ. Въ «*Асаръ-эль-Биладъ*» Казвини перифразировать это мѣсто такимъ образомъ: *да иджа тазаваджа раджулуи имраатанъ ля*

Хатлахи, о законахъ которыхъ такъ распространяется „сказаніе“, тоже принадлежать въ числу народовъ, не упоминающихся ни у кого изъ географовъ ранѣ Абу-Долефа, а позднѣйшими цитируемыхъ по его же „сказанію“. Какой изъ тюрескихъ, монгольскихъ, тунгусскихъ или тибетскихъ народовъ именуется Абу-Долефъ *Хатлагами*, и такъ-ли еще должно читать самое имя это, разъяснить это предоставляется проницательности будущихъ изслѣдователей.

„Затѣмъ“, — читаемъ въ „сказаніи“, — „прибыли мы въ страну волѣна именуемаго *Хатаманъ*. Питаются ячменемъ и горохомъ, мясо ѣдятъ не иначе какъ вареное. Брачатся настоящимъ бракомъ, и законы имѣютъ разумныя, на которые и опирается управленіе. Государя у нихъ нѣтъ, а каждый десятокъ имѣетъ своего старшину, человека разумнаго и толковаго, у котораго и разбираются по своимъ дѣламъ. Провѣждающихъ землю ихъ не притѣсняютъ и не обираютъ. Храмъ есть у нихъ, куда приходятъ на поклоненіе въ новолуніе и полнолуніе. Ничего крашенаго не носятъ. Muskusъ есть, пахнущій весьма сильно, пока остается въ странѣ, но теряющій это качество съ вывозомъ изъ нея. Много овощей разныхъ, и все полезныя въ томъ или другомъ случаѣ. Змѣи есть (взглядомъ) убивающія того, кто посмотритъ на нихъ, только водятся онѣ въ горахъ, изъ которыхъ не выходятъ никогда. Камень есть у нихъ, унимающій воспаленія, но: внѣ страны ихъ дѣйствія онъ не имѣетъ. Есть и безоаръ, отличнаго качества, съ блескомъ и зелеными прожилками¹⁾. Ъхали землею ихъ 20 дней“.

Подъ *Хатаманами* „сказанія“ не приходится разумѣть другаго народа кромѣ Киданей. Но сообщаемое о нихъ въ „сказаніи“ должно относиться къ тому періоду политической жизни Киданей, когда, по китайскимъ извѣстіямъ, не соединялись они еще подъ властію Амбагяна, то-есть, до X-го столѣтія. Изъ мусульманскихъ писателей, Абу-Долефъ первый упоминаетъ о *Хатаманяхъ*. Эдриси, писавшій уже въ половинѣ XI-го вѣка, не зналъ еще объ нихъ. Казвини повторяетъ извѣстія о нихъ Абу-Долефа уже XIII вѣкѣ, когда имя Киданей давно утратилось²⁾.

мала лага, фаміру за хидмятульвали санатанъ (Cosmographia, ed. Wüstenfeld, II, 393), что значитъ: «когда женится мужчина на женщинѣ, не имѣющей состоянія, то, вмѣсто приданаго, должна она находиться въ услуженіи у свекра цѣлый годъ».

¹⁾ У Вюстенфельда вышло, вмѣсто этой фразы, что bei ihnen findet sich eine menge schöner Blumen in grünen Wasen.

²⁾ Тамъ же, II, 392. Змѣи, на которыхъ не можетъ взглянуть никакое животное безъ того, чтобы не лишиться чувствъ, водились, по Казвини (Cosmographie, I, 178), въ «рѣкѣ Харлуховъ», а не въ землѣ Хатайцевъ.

Отъ Хатаянъ прѣзжаетъ Абу-Долефъ въ страну *Бам*, гдѣ „много пальмъ, и овощей, и винограду; городъ обширный, и селенія имѣются. Править страню государь по прозванію тоже *Бам*. Въ городѣ населеніе состоитъ изъ мусульманъ, жидовъ, христіанъ, огнепоклонниковъ. Праздники имѣють. Есть тамъ камень зеленый, помогаетъ въ глазныхъ болѣзняхъ, и камень красный, врачующій болѣзни селезенки. Есть также превосходное индиго, красящее въ яркій красный цвѣтъ и не осѣдающее на дно, когда растворено въ водѣ. Ъхали этою землею 40 дней, то покойно, то въ страхъ“. О странѣ *Бам* можно замѣтить то же, что замѣчено о землѣ Хатлаховъ и Баграджей—что „сказаніе“ есть единственный источникъ, о ней упоминающій.

Изъ Баги Абу-Долефъ съ товарищами прѣзжаетъ въ „мѣстность по имени *Кулайбъ*“, о которой сказываютъ, что тамъ „живуть кочевники Арабы, оставшіеся въ странѣ послѣ похода въ Китай, совершеннаго Тоббами. У нихъ свои лѣтнія и зимнія кочевки въ мѣстахъ водныхъ и песчаныхъ ¹⁾. Говорятъ они на древнемъ арабскомъ языкѣ, и кромѣ этого языка, другаго не знаютъ, а пишутъ химьярскомъ письмомъ и нашего письма (нынѣшняго) не знаютъ. Поклоняются идоламъ. Государь у нихъ изъ одной семьи ихъ же породы; изъ этой семьи только и выбираютъ себѣ государей. Имѣють законы, берегутся блуда и любодѣйства. Дѣлають изъ финиковъ питье превосходнаго вкуса. Государь ихъ посылаетъ дары въ китайскому. Ъхали землею ихъ мѣсяцъ, въ страхъ и опасеніа“.

Извѣстно, что у Аравитянъ существовало преданіе, будто когда-то, въ глубокой древности, государи носившіе титулъ *тобба*, предпринимали изъ Аравіи долговременные походы въ отдаленныя страны. Въ періодъ первыхъ завоеваній Арабовъ послѣ проповѣди ислама, когда узнали они о существованіи *Тибета* (писалось и произносилось *Тоббетъ*), сходство имени этой страны съ титуломъ *тобба* подало поводъ къ легендѣ, что такъ называется она вслѣдствіе ихъ туда походовъ, а въ дополненіе, явились и разказы о Химьяритахъ, которые остались въ Тибетѣ, размножились и живутъ тамъ. Сказкѣ этой вѣрилъ и Масуди, только имя Тибета производитъ онъ отъ глагола арабскаго *табата*, „осѣсть, упрочиться“, объясняя, что имя это произошло отъ того, что „осѣли“, „упрочились“ въ ней Химьяриты ²⁾. А вотъ оказывается, что Абу-Долефъ самъ, своими глазами, видѣлъ

¹⁾ Вюстенфельдъ переводитъ: Sie haben Sommer- und Winter-Wohnungen, und viele Palmen im Sande und verschiedenes Wasser.

²⁾ Les prairies d'or, I, 351.

этихъ Химьяритовъ, но помѣщаетъ ихъ въ какомъ-то, тоже никому, кромѣ его, неизвѣстномъ краю, по имени *Кулайбъ*, гдѣ ужъ и финики растутъ, значить далеко южнѣ Тибета! Не смотря на эти финики, Казвини, отнесши Сендабилъ къ первому климату, помѣстилъ Кулайбъ— въ шестомъ! Но если тотъ и другой существовали, то, по Абу-Долефу, должны были они находиться недалеко другъ отъ друга: вотъ какъ мало вниманія обращали арабскіе компиляторы на матеріалъ, которыми пользовались!

Какимъ образомъ изъ Кулайба добрался Абу-Долефъ, черезъ *Макамъ-эль-Бабъ* и *Вадн-ль-Макамъ*, къ цѣли среднеазиатскаго путешествія своего, въ городъ *Сендабилъ*, столицу Калына царя, мы уже знаемъ. Остается привести описаніе Сендабиля по „сказанію“. Вотъ оно: „Городъ это великій, цѣлый день надо чтобы проѣхать имъ. Шестдесятъ улицъ въ немъ широкихъ, и всѣ приводятъ къ одному мѣсту, ко дворцу государеву. Подъѣхавъ къ однимъ изъ воротъ въ городской стѣнѣ, нашли мы, что какъ въ высоту, такъ и въ ширину, стѣна эта имѣетъ по 90 локтей. Поверхъ стѣны идетъ водопроводъ, изъ котораго, у каждыхъ изъ 60-ти воротъ города, спускается вода, грубою, внизъ до земли, и частію проходитъ подъ стѣною наружу, гдѣ напоятъ пригородные сады, частію же, по проведеннымъ канавамъ, бѣжитъ, въ каждой улицѣ, ко дворцу, а оттуда обратно за городъ, вслѣдствіе чего въ каждой улицѣ двѣ канавы: одною течетъ чистая вода, а по другой та же вода уноситъ изъ города соръ и нечистоты¹⁾. Храмъ имѣется огромный: славывають, что больше мечети въ Бейтъ-эль-Мукаддасъ (Іерусалимъ); а внутри его живопись и картины, идолы и громадный кумиръ Будды. Полицейскій порядокъ большой, и законы, на все точные. Жители скота не убиваютъ и все не ѣдятъ мяса. Кто убьетъ животину, самъ подвергается смерти. Городъ этотъ служить столицею, какъ Индѣйцамъ, такъ и Туркамъ“.

Последняя фраза эта достойно завершаетъ разнаго рода несообразности, обильно встрѣчаемыя въ „сказаніи“: ухитрился авторъ отыскать мѣстность, которая могла служить „столицей“ Индѣйцамъ и Туркамъ, и въ то же время быть китайскимъ городомъ!

Но между вѣдѣнными извѣстіями, которыя могли попасть въ „сказаніе“, мы, къ крайнему нашему удивленію, не встрѣтили въ немъ одного, которое, говоря о турецкихъ народахъ, приняло на страницы

¹⁾ Рѣчь Абу-Долефа о водопроводѣ въ Сендабилѣ (собственно «рѣкъ, текущей поверхъ городской стѣны») довольно запутана: я перевелъ какъ понялъ.

своихъ компиляцій большинство арабскихъ географовъ — извѣстія о Туркахъ *Эдешахъ* и *Теркешахъ*, изъ коихъ первыхъ изобрѣлъ Селлама-толмачъ, а послѣдніе придуманы, повидимому, въ рифму первымъ. Одною отсутствія этихъ Эдешей и Теркешей въ „сказаніи“ достаточно уже для насъ, чтобы вѣрить, что другіе турецкіе народы, единственно авторомъ этого сказанія описываемые, какъ *Тазтахи*, *Ваираджи* и *Хатлахи*, существовали дѣйствительно, хотя, быть можетъ, подъ другими именами и съ нѣскольکو иною фizioномією, чѣмъ тѣ, которыя даетъ оно имъ. Нѣтъ также причинъ полагать, чтобы какъ *Бани*, такъ и *Кулайбъ*, были странами баснословными въ родѣ земли *Тамаджъ*, описаніе которой помѣщено у Кавзини въ четвертомъ климатѣ ¹⁾). Относительно ихъ можно думать, что къ автору „сказанія“ прилагается скорѣе всего наша пословица: „слышалъ звонъ, да не знаетъ гдѣ онъ“. Сказывали ему обо всемъ этомъ разные достовѣрные люди, да не взялъ онъ въ толкъ ихъ разказовъ, несообразныхъ, и напуталъ.

Такъ или иначе, полагаемъ, что послѣ настоящей нашей работы надъ „сказаніемъ“ Абу-Долефа, ознакомившіеся съ нею не будутъ уже смотрѣть на этотъ намятникъ географической литературы Арабовъ такъ довѣрчиво, какъ до сихъ поръ это дѣлали.

Но мы разсмотрѣли только первую половину „сказанія“, относящуюся до Средней Азии. Разборъ второй половины — странствованій Абу-Долефа по Индіи, въ задачу нашу не входитъ. По Индіи, онъ, быть можетъ, дѣйствительно странствовалъ, хотя и въ этихъ странствованіяхъ видимъ такіе же зигзаги, какъ и въ путешествіи по Средней Азии, ему приписываемомъ. Такъ, напримѣръ, изъ какого-то приморскаго города Индіи, по имени *Джаджемъ*, макаетъ отъ прямо въ *Кашмиръ*, а оттуда въ *Кабульскую землю*¹⁾, столицей которой называетъ нигдѣмъ другимъ не упоминаемый городъ *Табанъ*; изъ Кабульской же земли выѣзжаетъ вдругъ къ берегу моря и попадаетъ въ страну *Мандурафинъ*, о которой также ни слова не находимъ ни у кого изъ Арабовъ, писавшихъ объ Индіи. Но по Индіи разѣзжалъ Абу-Долефъ не съ посольствомъ отъ Насра, потому могъ кружить, какъ было ему угодно, и не могутъ быть выставлены свидѣтельствомъ противу дѣйствительности странствованій его по этой странѣ даже самыя странныя пересеконки его изъ одного ея края въ другой. Большую тѣнь сомнѣнія на дѣйствительность путешествія Абу-Долефа по Индіи

¹⁾ Cosmographie, ed. Wüstenfeld, II, 275.

накидываютъ разказы его о странахъ ея, не упоминаемыхъ ни у Масуди, ни у Ибнъ-Хаукала, ни у Бируни, ни у кого изъ мусульманскихъ писателей, дѣйствительно посѣщавшихъ страны къ востоку отъ Инда. Странны также извѣстія будто, во время пребыванія его въ Индіи, властвовали въ Мансурѣ Яхья сынъ Мухаммеда эль-Амри (или Умеви), а въ Мультаѣ — сынъ Омара, внукъ Алія сына Абу-Галебова. Послѣднее недопустимо хронологически, и кромѣ того, совсѣмъ иное читаемъ у Масуди, который посѣтилъ долину Инда незадолго до Абу-Долефа, именно въ 915 году по Р. Х. Въ Мансурѣ, по Масуди, властвовали въ его время корейшиты Абу-ль-Мондиръ Омаръ сынъ Абдъ-ул-Ладовъ, потомокъ извѣстнаго врага Магометова, Габбара сына эль-Асвадова, а въ Мультаѣ — тоже корейшиты Абуль-Лугабъ-эль-Мунаббигъ, сынъ Асадовъ, потомокъ Осамы (сына Лувайева, сына Галебова, который, еще до рожденія Магомета, переселился на берега Омана) ¹⁾. Трудно допустить, чтобы въ короткій промежутокъ, отдѣляющій время посѣщенія Индіи Масудиемъ отъ времени, когда странствовалъ тамъ Абу-Долефъ, смѣнились, какъ въ Мансурѣ, такъ и въ Мультаѣ, обѣ властвовавшія тамъ династіи, тѣмъ болѣе что Ибнъ-Хаукаль, путешествовавшій по той же странѣ одновременно съ Абу-Долефомъ или даже позже его, подтверждаетъ Масудиевы извѣстія, что въ Мансурѣ властвовали корейшиты изъ потомства Габбара сына эль-Асвадова, а въ Мансурѣ — корейшиты изъ потомства Осамы сына Лувайева ²⁾.

Такимъ образомъ можетъ представляться компиляціею работы пера неискуснаго и невѣжественнаго, приписанною лишь Абу-Долефу, и вторая часть „сказанія“ — объ Индіи. Но, вотъ, имѣемъ мы писателя арабскаго, весьма почтеннаго, автора знаменитаго сочиненія *Китабъ-эль-Фиристъ*, который лично зналъ Абу-Долефа, собственными ушами слышалъ разказы его, не только объ Индіи, но даже о Китаѣ, и приводитъ эти разказы. Объ авторѣ *Китабъ-эль-Фиристъ*, Ибнъ Аби-Якубъ эн-Недимъ, извѣстно, что сочиненіе это написалъ онъ въ Багдадѣ около 377 года гиджры (987 по Р. Х.), стало-быть онъ могъ дѣйствительно бесѣдовать съ Абу-Долефомъ не только въ старости, но и въ зрѣломъ возрастѣ послѣдняго. Это, однако, ничего еще не доказываетъ: если Абу-Долефъ не отличался добросовѣстностію,

¹⁾ Les prairies d'or, I, 376 — 377. Cp. Mémoire sur l'Inde antérieurement au milieu du XI-e Siècle de l'ère chrétienne, par M. Reinaud (Paris, 1849), p. 213.

²⁾ Gildemeister: De rebus Indicis, p. 28 et 30.

любилъ прихвастнуть или прилгнуть, онъ и эи-Недиму могъ насказать, что былъ тамъ - то и тамъ - то, гдѣ вовсе не бывалъ, и видѣлъ то-то и то-то, чего нивогда не видывалъ: A beau mentir qui vient de loin. Но если окажется, что въ *Китабъ-эль-Фиристъ* сообщаетъ онъ дѣльныя свѣдѣнія безъ прилгвси несообразностей, подобныхъ тѣмъ, на которыя указано выше, то мы будемъ въ правѣ заключить, что „сказаніе“—подложно, что оно не его рукъ и головы работа.

Къ сожалѣнію, въ статьѣ о Китаѣ, въ которой авторъ *Фириста* цитируетъ Абу-Долефа, довольно трудно разобрать, что разказано симъ послѣднимъ, и что другими лицами. Приведа разказы о Китаѣ, слышанные имъ изъ устъ христіанскаго монаха изъ Неджрана, который возвратился изъ Китая въ 377 году гіджры, авторъ *Фириста* продолжаетъ въ новомъ параграфѣ ¹⁾:

„Сказывалъ Абу-Долефъ Ямбузи: городъ самаго главнаго тамъ государя (*маликъ*) зовется *Хамданъ*, а городъ, гдѣ наиболѣе торговцевъ и товаровъ — *Ханкува* ²⁾. Длина его 40 фарсаховъ. Не такъ это: монахъ говорилъ, что многимъ менѣе этого (*кала-р-ранбу калунъ дуна каза бекесиринъ*). Другіе сказывали (*уа кала майрану*), что въ Китаѣ триста городовъ, все многолюдныхъ, и надъ каждымъ 50-ю городами правитель (*маликъ*), поставляемый отъ *барбур'а* ³⁾, а въ числѣ городовъ тѣхъ *Варсанува*, *Бансанува* и городъ по имени *Армалъ* ⁴⁾. Отъ послѣдняго до Бансувы два мѣсяца пути; Бансува же прилегаеть къ краямъ тибетскимъ, тюрскимъ и тагазгазскимъ, ко-

¹⁾ Kitab al-Fihrist, herausgegeben von G. Frugel (Leipzig, 1871), I, 350—351.

²⁾ О томъ, что столицу Китая при Тханахъ, городъ Си-ань-юу называли, какъ мусульмане, такъ и христіане, *Хамдан'омъ* или *Хумдан'омъ*, упомянуто уже выше. То, что Флюгель читаетъ *Ханкува*, читали прежде и Хангува, и *Ханфува*: о городѣ этомъ упоминается, какъ въ разказахъ купца Сулеймана и Абу-Зейда Сираѣи (см. Relation des voyages dans l'Inde etc. II, 34, 73, 74, 77, 103), такъ у Ибнъ-Хордадбега (*Journal Asiatique* за 1865 годъ, t. V, p. 292) и у Масуди (Les praigris d'or, I, 303, 313). Барбье-де-Менаръ полагаетъ, что это Гуанъ-чжеу-юу.

³⁾ *Барбург*, иначе *Файбург*—титлуъ императора китайскаго у мусульманскихъ писателей. Что касается до числа большихъ городовъ въ Китаѣ, то мы видѣли уже, что, по другимъ извѣстіямъ, число ихъ опредѣлялось въ двѣ сотни, съ маломъ въ каждомъ (Relation etc. II, 33—34).

⁴⁾ Въ правильности чтенія именъ этихъ городовъ нельзя быть увѣрену. Ибнъ-Хардадбегъ (I. с. p. 293) также упоминаеть о трехъ главнѣйшихъ городахъ въ Китаѣ, и кромѣ того, о крайнемъ береговомъ тамъ городѣ, по имени *Алмаиде*, явно тождественномъ съ *Армаломъ* объясняемаго текста. Общее число главныхъ городовъ Китая показывается у того же географа, равнымъ образомъ, въ три сотни.

торше въ ладу между собою ¹⁾). Отъ Тибета до Хорасана и до побережья китайскаго, если все это объѣхать кругомъ, будетъ 3.000 фарсаховъ. Въ китайскихъ же предѣлахъ находится и *Сила*, страна изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ славныхъ и самыхъ богатыхъ золотомъ ²⁾). Въ Китаѣ же степи, горы и пустыни до самой „песчаной рѣки“ ³⁾, и до горъ, изъ-за которыхъ солнце восходитъ. Слышалъ я отъ многихъ Андалуцевъ (*ya kala mi dжамагатумъ минъ олли Андалуса*), что между ихъ землею и Китаемъ тоже все пустыни. Сказывали (*ya kala*): зовется Китай „Великою-Землею“, Андалусъ же на сѣверъ отъ него. Поэтому близки они къ восходу солнца и странамъ китайскимъ ⁴⁾). Кто изъ нашихъ ли, изъ ихнихъ ли, поѣдетъ по Китаю, записываютъ происхождение его, званіе, сколько ему лѣтъ, сколько у него съ собою имущества, рабовъ, прислуги—пока не прибудетъ онъ къ цѣли путешествія своего, въ мѣсто безопасное. Поступаютъ такъ изъ опасенія не случилось бы съ ѣдущимъ въ продолженіи пребыванія его въ Китаѣ какого-либо случая, что зазорно было бы для государя китайскаго ⁵⁾). Покойника, когда умретъ кто изъ нихъ, оставляютъ въ дому его, въ корытѣ изъ дерева, цѣлый годъ. Только по истеченіи года зарываютъ его въ могилу, въ которой не дѣлаютъ *мад'а* ⁶⁾). Затѣмъ отъ семьи и наследниковъ покойника требуется, чтобъ они оплакивали его три года, три мѣсяца, три дня и три часа. Если кого изъ нихъ увидятъ, что не печаленъ онъ, бьютъ наглою по головѣ, приговаривая: „ты это его убійца“. Погребаютъ

¹⁾ Такъ выходитъ по значенію причастія *муадисума*; но едва-ли вмѣсто этого глагола не слѣдуетъ тутъ быть другому, съ противоположнымъ значеніемъ, такъ какъ Тибетцы постоянно враждовали, и съ Тагазгазами (Хой-ху Китайцевъ), и съ Китайцами. О постоянной враждѣ Китая съ Тибетомъ упоминается и у Абу-Зейда Сираѣи (Relation etc. II, 109).

²⁾ *Сила* упоминается у Масуди, какъ страна къ востоку отъ Китая, и тоже восхваляется (Les praïries d'or, I, 346). Полагаютъ, что это Японія. Ибнъ-Хардадбегъ сообщаетъ многія подробности объ этой *Силѣ*, и помѣщаетъ ее насупротивъ китайскаго города *Камтува* (I. c. p. 294 и 522).

³⁾ «Песчаная рѣка» — это буквальный переводъ съ китайскаго *ша-ю*, какъ звалась у Китайцевъ непрерывная полоса смучихъ песковъ въ пустыняхъ, отдѣляющихъ Китай съ сѣверо-запада.

⁴⁾ Это географическое возвращеніе имѣло источникомъ совершенную неизвѣстность Арабамъ сѣверныхъ частей Европы и Азіи.

⁵⁾ О паспортѣ или подорожныхъ въ Китаѣ упоминается съ гораздо большими подробностями въ извѣстіяхъ Сулеймана (см. Relation etc. II, 42—43).

⁶⁾ Отверстіе въ могилѣ дѣлаемое мусульманами для того чтобъ покойникъ могъ сообщаться черезъ него съ ангеломъ, исповѣдующимъ человѣка по смерти:

покойника не иначе какъ въ мѣсяцѣ, днѣ и часу, соотвѣтственныхъ тѣмъ, когда онъ родился ¹⁾. Случится кому изъ нашихъ жениться на ихней женщинѣ, и задумаетъ онъ потомъ оставить страну, говорятъ ему: „уйди изъ земли нашей и бери съмя свое“ (дѣтей). Если же попробуетъ онъ провезти съ собою тайкомъ и жену, да откроется это, подвергается онъ пенѣ, какую заблагорассудятъ наложить на него, и заключенію, а нерѣдко и тѣлесному наказанію. Никакимъ правителемъ или начальникомъ не назначить государь челоуѣка, не имѣющаго еще сорока лѣтъ отъ роду ²⁾. Правосудіе въ Китаѣ такое, какого ни въ какихъ другихъ странахъ міра не увидишь. И никто не попадетъ въ Китай и не выберется оттуда, не побывавъ предварительно въ сотнѣ или болѣе мѣствъ, смотря по разстоянію ³⁾. А въ день, когда выносятъ покойника изъ дому для погребенія, дорога до могилы устилается парчами и шелковыми тканями, сообразно съ достаткомъ и званіемъ покойника. На возвратномъ пути все это разбирается сопровождавшими погребальное шествіе. Китай получаетъ помощь отъ Тагазгазовъ сосѣднихъ съ нимъ ⁴⁾. А между Китаемъ и Тибетомъ течетъ рѣка, глубины не извѣданной, до которой никто не доставалъ, течетъ въ глуши, мѣстами страхъ наводящими. Отъ западнаго берега ея до восточнаго будетъ около 500 локтей. На ней мостъ изъ веревокъ построенный мудрецами и художниками китайскими, шириною въ два локтя. Никакое животное, вьючное или другое, не переправляется черезъ него иначе какъ привязанное на-крѣпко и посредствомъ тяги: безъ этого не удержалась бы на немъ никакая скотина, да и рѣдкій изъ людей. Животныхъ, какъ и людей, помѣщаютъ въ родъ корзины вмѣстѣ съ туземцами, привычными уже къ такой переправѣ ⁵⁾. Въ числѣ обычаевъ китайскихъ — особое воз-

¹⁾ Тѣ же подробности о погребеніи и траурѣ встрѣчаемъ отчасти я въ разказахъ Сулеймана (Relation etc. II, 36—37).

²⁾ То же читаемъ и у Сулеймана (Relation etc. II, 38—39).

³⁾ Тутъ, должно полагать, не поняли мы того, что хотѣлъ сказать авторъ, по темнотѣ выраженія: *мла манг оукифа алейни*.

⁴⁾ Это заключеніе, выведенное изъ помощи, оказанной по Масуди и Абу-Зейду, ханамъ Тагазгазовъ императору китайскому при восстаніи противу послѣдняго математика Яньшуа (Les praigies d'or, I, 305; Relation etc. I, 65).

⁵⁾ Извѣстно, что висячихъ мостовъ въ родѣ того, о какомъ здѣсь говорится — не мало въ разныхъ частяхъ Гималаевъ и другихъ среднеазійскихъ хребтовъ. О какомъ же именно мостѣ и чрезъ какую именно рѣку на разгрань Китая съ Тибетомъ идетъ тутъ рѣчь, мы не знаемъ. Черезъ рѣку Лу-хэ, въ Сы-чуаньской области, недалеко отъ границъ съ Тибетомъ, построенъ былъ въ 1701 году

величїе тамошнихъ государей, и вслѣдствіе того, поклоненіе имъ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ. Что же касается до религіи, исповѣдуемой государемъ и знатью, то вѣрують они въ двойство началъ и переселеніе душъ“.

Что въ приведенной статьѣ принадлежитъ Абу-Долефу? Едва-ли не однѣ двѣ первыя строки — о Хамданѣ и Ханкувѣ. Остальное все взято изъ разказовъ какихъ-то испанскихъ Арабовъ и другихъ, не цитированныхъ, источниковъ. Чтобы сообщить, что столица Китая зовется Хамданомъ, и что тамъ, кромѣ того, есть торговый портъ Ханкува, для этого, даже и арабу X вѣка, не зачѣмъ было ѣздить далѣе береговъ Персидскаго залива, гдѣ въ Сирафѣ могъ онъ узнать и гораздо болѣе того. Но и въ двухъ строкахъ этихъ не обошлось безъ страшнаго вранья — городъ Ханкува растянута на 280 верстъ, что замѣчено и самимъ авторомъ *Фириста*.

Знакомство Ибнъ Аби-Якуба съ Абу-Долефомъ нисколько, такимъ образомъ, не разъясняетъ вопроса ни о дѣйствительности странствованій послѣдняго по Средней Азїи, ни о принадлежности или непринадлежности ему „сказанїа“. Остается, до отысканїа какихъ-либо новыхъ о предметѣ свѣдѣній, довольствоваться выводомъ, что по отношенїю къ достовѣрности данныхъ заключающихся въ „сказанїи“, никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено оно на ряду съ извѣстїями Истахири, Масуди, Бируни и другихъ Арабовъ несомнѣнно посѣщавшихъ тѣ страны, о которыхъ говорятъ они въ своихъ сочиненїяхъ.

В. Григорьевъ.

мостъ изъ девяти желѣзныхъ цѣпей, перекинутыхъ съ утесовъ одного берега на другой, длиною въ 311, шириною въ 9 футовъ; на цѣпяхъ положены были (поперегъ) доски (см. «Описанїе Тибета», пер. съ китайскаго о. *Иакима Бичурина*, Спб. 1828, стр. 10). Такіе мосты, конечно, существовали и въ прежнее время.